

ЕЛЕНА ПАЛЕНОВА

НИТИ
СУДЬБЫ

Придуманные миры

Елена Паленова

Нити судьбы

«Автор»

2020

Паленова Е.

Нити судьбы / Е. Паленова — «Автор», 2020 — (Придуманные миры)

Провидица Алимея Рионская обрекла себя на печальную участь супруги Нэйджела Харагана по необходимости - чтобы предотвратить войну. Ей суждено умереть, дав жизнь наследнику драконьей крови, и это не единственная проблема - у каждого из супругов свои проблемы и могущественные враги. Но разве Великие Боги смогут остаться равнодушными к судьбам тех, кто способен жертвовать собой ради других? Разве нельзя отменить то, что предначертано? Иллюстрация для обложки создана с помощью нейросети Midjourney. Дизайнер - Jsa-Art Jsa-Art.

Содержание

Легенда о призраке замка Рион	5
Проклятие Рионской Девы	7
Легенда о спящем драконе	11
Легенда о спящем драконе и проклятии рода Хараган	12
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Паленова

Нити судьбы

Легенда о призраке замка Рион

Сегодня меня посетил весьма интересный гость. Вообще-то, в Обители Времён не принято пускать посторонних дальше читального кабинета, куда нужные записи доставляются из архивов бдительными архивариусами, поэтому я был очень сильно удивлён, когда увидел у входа в свои владения высокого господина средних лет. Его лицо показалось мне смутно знакомым, а когда он обратился ко мне по имени и представился лордом Бавором Рионским, я был поражён тем, как сильно горе может изменить внешность человека.

Я действительно знал его до своего заключения в Обитель. И, надо сказать, хорошо знал. Наш король Белинаркус всегда питал особую страсть к Риону, поскольку по всей длине северной границы этого маленького лордства, являющегося частью Иллиафии, протекает река Таор, за которой раскинулись земли Латернона. Лорд Бавор Рионский и его семья были столь же частыми гостями королевского дворца в Гоотарне, сколь часто сам король Белинаркус наносил визиты в свои северные владения. Сами по себе обитатели рионских угодий никогда не представляли интереса для моего владыки – его манила близость Латернона и возможность подобраться ближе к его тайнам.

В последний раз я видел лорда Рионского незадолго до того, как оказался узником Обители Времён. Круглолицый улыбчивый здоровяк прибыл ко двору моего короля, чтобы поделиться новостью о том, что его милая супруга леди Элейна подарила Риону ещё одного наследника.

Два года назад в Иллиафию пришло поветрие. Длилось оно недолго, но всего за несколько месяцев унесло в Небесные Храмы многие жизни. Даже здесь, в Обители, мы чувствовали его смертоносное дыхание. Болезнь не проникла за эти стены, но сюда регулярно поступали списки её жертв. В этих списках были и имена всех четверых детей лорда Бавора Рионского. Я слышал, что меньше, чем через год, он соорудил погребальный костёр и для своей возлюбленной леди Элейны, которая не смогла пережить утраты.

Со дня нашей последней встречи минуло всего семь лет, но я не узнал этого человека. Из круглолицего румяного весельчака он превратился в мрачную тень с пустым, ничего не выражающим взглядом когда-то ясных, искрящихся добротой глаз. Лихорадка и горе высосали из него все жизненные соки и душу.

У Риона не осталось наследников. Лорд Бавор прибыл в Обитель Времён для того, чтобы в хранящихся здесь документах найти сведения о боковых ветвях своего рода, представителям которых можно было бы передать права на фамильные земли. Похоже, он не рассматривает возможность снова вступить в брак, хотя ещё далеко не стар – сейчас ему должно быть что-то около сорока пяти лет. Он вполне мог бы произвести на свет ещё не одного наследника, если, конечно, болезнь не лишила его этой возможности. Впрочем, не мне его судить – к своим сорока двум я так и не нажил ни семьи, ни детишек. И теперь вряд ли наживу, поскольку Обитель вернёт меня в мир не раньше, чем через тринадцать лет. М-да... Но вернёмся к лорду Рионскому.

Я был безмерно удивлён не только произошедшими с ним переменами и тем, что его впустили дальше читального кабинета, но и тем, что он попросил найти для него в архиве моего крыла легенду о призраке замка Рион. Естественно, я пообещал, что непременно найду всё, о чём он просит, а затем вежливо проводил его за дверь, поскольку не терплю нарушения установленных порядков.

После того, как лорд Рионский покинул Обитель, я навёл справки и выяснил, что в последнее время он является частым гостем в этих стенах и успел заслужить настолько глубокое доверие, что ему дозволено намного больше, чем другим посетителям. На сегодняшний день лорд Бавор изучил все достоверные источники информации о своих предках и родственниках, но не нашёл ни одного живущего ныне сородича и поэтому решил обратиться к легендам в надежде отыскать в них хоть какую-нибудь зацепку.

Странно, что он пришёл за этой легендой сюда. Род лорда Бавора владеет Рионом последние четыре сотни лет, и кому, как не ему, знать всё о родовом гнезде и обитающем в нём призраке? Впрочем, не моё это дело – выяснять причины. Допускаю, что в замке, где регулярно случались то пожары, то побоища, документы могли просто не сохраниться. А здесь, в Обители Времён, есть подлинники и копии всего, что когда-либо было написано на пергаменте или даже нацарапано на камнях древних пещер. Ну что ж, посмотрим, оправдают ли записи, которые я сейчас держу в руках, надежды и чаяния несчастного лорда Бавора.

Проклятие Рионской Девы

Любопытство – ценнейший из даров, преподнесённых Великими Богами человеку. Оно заставляет нас познавать непознанное, учиться и совершать важные открытия. Но это ещё и злейший из пороков, поскольку именно благодаря любопытству люди порой суют свои носы туда, куда даже смотреть не следует. Оно научило нас подглядывать и подслушивать, питать страсть к чужим тайнам и пытаться увидеть больше, чем дозволено. И когда человек переступает грань дозволенного, Боги тут же обрушивают на него весь свой гнев, хотя, коварные, никогда не предупреждают о том, где находится та самая грань. Так случилось и с рионской ткачихой Хейлией Ра-Фоули, которую Боги наделили не только любопытством, но и способностью заглядывать в будущее.

В те времена Иллиафией правил жестокий и жадный до власти король Эрард. Королевство погрязло в бесконечных войнах с соседями, поскольку Эрарду было мало тех земель, которые находились в его распоряжении. Он хотел больше. Намного больше. Пядь за пядью расширяя владения, он не щадил воинов своей армии, не гнушался подкупам и подлостью.

Земли королевства Латернон, раскинувшиеся за рекой Таор к северу от Иллиафии, не давали Эрарду спокойно спать по ночам. Он не мог направить войска на север, потому что Латернон пригрозил, что разбудит дракона и направит его ярость на Иллиафию. Король Эрард не считался трусом и мог бы рискнуть, если бы здравый смысл не подсказывал ему, что потери в разы превзойдут желаемое приобретение.

Большой ремесленный город Рион, что раскинулся тогда по обе стороны торгового тракта у самой границы с Латерноном, трещал по швам от шпионов короля Эрарда, которым была обещана баснословная награда за любую информацию, способную помочь правителю Иллиафии завладеть вожаемыми землями. И однажды эта награда нашла своего обладателя – в Рионе обнаружилась прорицательница, которая умела заглядывать в прошлое и видеть будущее.

* * *

Семья Ра-Фоули зарабатывала на жизнь изготовлением великолепных ковров и гобеленов. Ткачи эти были далеко не бедными, поскольку результат их труда ценился очень высоко, а шерстью они обеспечивали себя сами, разводя овец на обширных пастбищах вдоль реки.

Хейлия, которая была старшей дочерью в семье, не хвасталась своим даром прорицания и никогда не заглядывала в своё собственное будущее, ведь там, впереди, каждого человека ждёт смерть, а предсказание смерти – не слишком приятное и благодарное занятие. Родные тоже берегли её секрет, но, как и в любой большой семье, такая тайна не могла храниться долго.

Горожане отнеслись к дару Хейлии по-разному. Одни называли её ведьмой и сторонились, другие делали вид, что им всё равно, третьи просто стучали в дверь и с порога просили назвать цену за предсказание. Цена всегда была непомерно высока, чтобы отбить любопытство у желающих познать своё будущее, но всё же находились те, кто готов был заплатить, и алчность в конце концов сделала своё злое дело, посулив прорицательнице несметные богатства для неё и для её семьи.

Раз за разом Хейлия садилась за свой станок, брала в руки тонкую нить и ждала, когда сама судьба начнёт создавать полотно, на котором будет написано то, что предназначено платившему за пророчество. На одно предсказание могло уйти несколько месяцев, другие заказчики ждали своих полотен год, а то и два.

Король Эрард был одним из первых клиентов Хейлии. Он мало верил в правдивость предсказаний ткачихи, но всё же не захотел упускать такую возможность узнать, получит ли он когда-нибудь власть над Латерноном и драконом, что спит в недрах горы Таорнаг.

Он ждал своего пророчества почти три года. Упрямые Боги никак не желали показывать прорицательнице будущее короля Иллиафии. А когда всё же показали, Эрард оказался сильно разочарован. Хейлия не сказала ему ничего о Латерноне, но предрекла смерть обоим его сыновьям.

И всё же он заплатил ровно столько, сколько обещал – целое состояние, которого хватило на то, чтобы выкупить давно приглянувшийся белокаменный дом на вершине холма, расширить пастбища, нанять множество слуг и даже приобрести собственный корабль, который привозил из дальних королевств шёлк и редкие драгоценные нити. Семья Ра-Фоули стала самой богатой семьёй в Рионе, и Хейлия окончательно перестала скрывать свой дар от мира.

* * *

Спустя несколько лет король Эрард потерял своего старшего наследника – юноша свернул себе шею, когда решил, что он достаточно опытный наездник для того, чтобы усмирить дикую необъезженную лошадь. Это случилось точно в срок, предсказанный рионской ткачихой.

Имея достаточно подтверждений того, что многие из пророчеств, сделанных Хейлией для разных людей, уже сбылись, Эрард явился в Рион и потребовал, чтобы ткачиха взяла своё предсказание назад. Он не желал и слушать о том, что от воли прорицательницы будущее не зависит. Увы, ему пришлось уйти ни с чем. А когда он вернулся в Гоотарн, то обнаружил свою королеву в траурном одеянии, проливающей слёзы над телом второго сына, павшего от руки убийцы, которого подослал кто-то из многочисленных врагов Иллиафии.

По приказу короля Эрарда город Рион был уничтожен. Он отозвал армию с границ Хейнорма и направил её на свои собственные владения. Никого и ничего не щадить – таким был приказ.

Хейлия Ра-Фоули была объявлена колдуньей, навлекающей смерть и проклятия. Её и всю её семью надлежало запереть в их белокаменном доме на холме и сжечь вместе со всеми находящимися там полотнами. Но перед этим колдунья должна была увидеть, к чему привело её колдовство – командиру войска, направленного в Рион, было приказано заставить ткачиху смотреть на то, как у подножия холма по её вине умирают люди и горят их дома.

И она смотрела. Проклинала Богов, свою жадность, чужую глупость и жестокость, лила горькие слёзы, но смотрела. На её глазах сжигались корабли и отнимались ни в чём не повинные жизни. Она слышала крики детей и вопли их родителей. Она чувствовала на себе их полные ненависти предсмертные взгляды и тоже хотела умереть.

Когда предводитель воинов решил, что с неё достаточно, он бросил её, связанную, на сваленные в большую кучу ковры и гобелены – все до единого, какие только удалось найти в доме. Полотна вспыхнули от его факела, и вскоре от белокаменного дома остались только дымящиеся развалины. Город Рион перестал существовать.

* * *

Правители Латернона не могли оставить без внимания бесчинства, которые король Эрард учинил в опасной близости от границы их королевства. Они расторгли торговое соглашение и разрушили мост через реку Таор, служивший единственной разрешённой переправой между землями Иллиафии и Латернона.

Выжженная рионская земля досталась в награду за добросовестную службу тому самому командиру, который спалил Рион дотла. Его звали Сандр. Сандр Рионский, первый лорд Риона и окрестных земель.

Долгие годы Рион оставался пустошью, которая медленно зарастала молодым лесом, пока её хозяин сражался за новые земли для своего повелителя. После смерти Эрарда в Иллиафии наступили мирные времена, поскольку новый король отозвал и распустил все войска, вернув соседям то, что у них было бесчестно отнято.

Первый лорд Рионский успел построить на своей земле небольшую ферму, где поселился с женой и детьми, и начал строительство замка на том самом холме, где своими руками казнил колдунью-предсказательницу. Уже глубоким старцем он наконец-то заселился в подходящие его титулу покои и велел слугам повесить над камином портрет его жены, вытканый в Гоотарне умелыми мастерицами.

Той же ночью в замке Рион произошёл пожар. Сгорело всё, кроме каменных стен, которые тоже оказались частично разрушенными. Лорду Сандру и его домочадцам посчастливилось выбраться на улицу раньше, чем обвалилась крыша. А наутро, когда незадачливый лорд велел оценить масштаб разрушений, ему доложили, что покои хозяина выгорели дотла, но огонь совершенно не тронул гобелен над камином. Он захотел увидеть это чудо собственными глазами и пришёл в ужас, когда понял, что с портрета на него смотрит не лицо возлюбленной супруги, а надменный лик Хейлии Ра-Фоули.

Гобелен сожгли, а на следующий день первого лорда Рионского забрали к себе Боги. Земли и титул унаследовал старший сын, который восстановил замок, но в первую же ночь, проведённую в стенах этого замка, ему явился призрак казнённой отцом колдуньи-ткачихи. Она повесила на стену над камином точь-в-точь такой же гобелен, который совсем недавно был сожжён, и сказала:

«Твой отец отнял жизни у всех в моей семье, поэтому я поклялась перед Великими Богами, что не уйду отсюда до тех пор, пока ваш род не заплатит за каждую погубленную душу. У меня была очень большая семья, поэтому не надейтесь, что всё закончится скоро. Мой портрет будет висеть здесь, на этом месте, до тех пор, пока я не исполню свою клятву до конца. Вздумаете снова уничтожить его – жестоко за это поплатитесь. Не советую даже прикасаться к нему. Но не бойся, сын Сандра Рионского, я не стану никого убивать. Это было бы слишком просто. Нет, я буду делать то, что умею лучше всего – предсказывать. Тебе, твоему брату и сёстрам, вашим детям, детям их детей... Каждому в вашем роду я буду предсказывать смерть. Не призывать её на ваши головы, поскольку это не в моих силах, а просто говорить, как и когда вы умрёте. Ты, например, утонешь в реке Таор через пять лет. Это случится с началом зимы, когда лёд только тронет заводи у берегов. Можешь сколько угодно убежать от судьбы, но она всё равно приведёт тебя туда, где тебе суждено умереть. Тогда, когда суждено. И таких предсказаний будет ровно столько, сколько жизней было отнято у моей семьи. Знаю, что ты захочешь уехать отсюда, ну так знай и ты – это ничего не изменит».

Той же ночью предсказание смерти получили все взрослые потомки Сандра Рионского. Хейлия пощадила детей, но пообещала их матерям, что обязательно вернётся тогда, когда дети вырастут и начнут понимать истинное значение слова неизбежность. И она сдержала своё обещание.

* * *

Сейчас уже мало кто помнит имя Хейлия Ра-Фоули, но при упоминании о Рионской Деве даже малые дети понимают, что речь идёт о том самом призраке ткачихи-прорицательницы, который предсказывает хозяевам замка Рион смерть. Деву видели многие, но говорит она только с потомками рионских лордов и только один раз с каждым из них. И все они умирают именно так, как она предрекает. И никто не знает, сколько ещё предсказаний будет сделано, потому что никому не ведомо, сколько жизней Ра-Фоули оборвалось в тот далёкий день в городе, которого больше не существует.

М-да... Вот тебе и история о вреде любопытства... А заодно о жадности, глупости, жестокости, дурной привычке наказывать невинных только ради того, чтобы кому-то было больнее, чем тебе... Один спалил целый город, потому что был несогласен с судьбой,

другая принялась мстить тем, кто тогда ещё даже не родился. Таковы люди – никогда не знаешь, чего от них ждать.

Я слышал эту легенду именно такой, но за небольшим исключением – первое предсказание Рионской Девы получил не сын Сандра, а он сам. И до перевода в это крыло Обители я собственной рукой переписывал указ короля Эрарда Иллиафского о передаче рионских земель и титула лорда Рионского Сандру Карсу за воинскую доблесть и заслуги перед королевством. И мне даже доводилось видеть гобелен над камином в спальне лорда в замке Рион. Помню, я тогда ещё посмеялся над этой историей, потому что полотно показалось мне довольно добротным для четырёхсотлетнего, хотя на нём действительно была изображена женицина. Я спросил у лорда Бавора, кто она, но он лишь пожал плечами и сказал: «Не знаю, этот портрет всегда висел здесь. О Рионской Деве даже не спрашивайте, это всё сказки. Давно нужно было убрать его отсюда, да всё как-то не до этого».

Сказки или нет, но одно могу сказать точно – лорд Бавор Рионский будет сильно огорчён, потому что в этих записях нет ничего, что указывало бы направление, в котором ему следует продолжить поиски наследников. Здесь упоминается, что у Сандра Рионского было несколько детей, но и только. Если другие документы не дали ему нужных ответов, то и этот ничем не поможет.

Жаль, я был бы рад помочь этому несчастному человеку. Одиночество – ужасная штука, особенно если раньше никогда не был одинок.

*Всегда ваш, Брис Фид, узник Обители Времён,
бывший канцлер Иллиафии при дворе короля Белинаргуса*

Легенда о спящем драконе

Это место носит гордое название Обитель Времён, хотя по сути это не более, чем тюрьма для таких, как я, ваш покорный слуга Брис Фид, бывший канцлер Иллиафии при дворе короля Белинаргуса. Здесь не так уж и плохо, если забыть о том, что придётся провести в этих стенах два десятка лет, переписывая то, что было уже многократно переписано твоими предшественниками. Но я не жалею. Я понимал, несколько высока может быть цена, которую мне придётся заплатить за содеянное. К тому же, спустя пять лет моего пребывания здесь, мне наконец-то поручили работу, которая приносит истинное удовольствие.

Легенды... Все предыдущие годы я потратил на то, что переписывал старые бухгалтерские книги, указы и приказы, давно утратившие свою силу, важность и значение. Их было тысячи. Десятки, сотни тысяч. Вот это было истинным наказанием. Я знаю, что обновление архивов – дело благородное, поскольку пергаменты не вечны, но для чего нужно хранить и обновлять сведения о количестве давно съеденных свиней у давно умерших фермеров, так до сих пор и не понял. Да и не пытался понять, если честно. Просто выполнял свою работу, как и все остальные – брал очередной ветхий лист, переписывал его содержимое на новенькую бумагу, а старый документ сжигал.

И вот наконец, когда я уже почувствовал, что начинаю сходить с ума от бесконечных списков и столбиков с цифрами, мне было велено собрать свои немногочисленные пожитки и перебраться в это крыло Обители. Я здесь один, и я по-прежнему узник, но теперь у меня есть то, к чему я питал слабость с самого детства – легенды. Древняя магия, самоотверженные герои, всепоглощающая любовь и смерть во имя целого мира – теперь это всё моё.

Правда, здесь не осталось ни одного древнего манускрипта, поскольку мой предшественник выполнял свои обязанности на совесть, но зато есть заказы на копии. Много заказов, потому что легенды хранят в себе тайны, большинство из которых очень далеки от вымысла. И если раньше я только слышал пересказы, додуманные, дополненные, сто раз перевёрнутые с ног на голову и обросшие невероятными подробностями, то теперь я могу созерцать историю в её первозданном обличье.

Я рад? Нет. Я счастлив! И я с превеликим удовольствием немедленно начинаю работу над копией самой главной легенды Иллиафии – легенды о могущественном драконе, от биения сердца которого по сей день зависит судьба всей Сальсирии.

Легенда о спящем драконе и проклятии рода Хараган

Это случилось в те далёкие времена, когда вся Сальсирия от края до края, вместе со всеми её горами, равнинами, реками и близлежащими островами, принадлежала драконам. Здесь не было королевств и королей, не было городов и торговых маршрутов – ничего, кроме непроходимых лесов, бескрайних пустошей и глубоких синих озёр.

Зато здесь была магия. Она струилась с вершин Таорнагского хребта искрящимися потоками, питая эту землю, давая жизнь всему, что хотело рождаться и расти. Она наполняла живительными соками стебли трав и стволы деревьев, расправляла крылья птицам, заставляла биться сердца множества живых существ. Эта магия тоже принадлежала драконам, потому что исходила от них.

Люди, жившие тогда в лесах Сальсирии небольшими племенами, поклонялись этим крылатым чудовищам. Они не скупались на восхваления и жертвы, повсюду строили алтари и отдавали тем, кого считали своими богами, самое дорогое – своих детей. И драконы с радостью принимали эти кровавые дары, постоянно требуя всё больше и больше, а если не получали желаемое, то обрушивали свой гнев на тех, кто отказался дать им лёгкую добычу.

Магия драконов давала людям жизнь, но не более того. Лишь изредка на свет появлялись дети, которые умели чувствовать незримые силы и понимать их. Таких детей приносили в жертву первыми, потому что боялись, что драконы сочтут людей неблагодарными и накажут их за попытку присвоить себе больше, чем позволено.

Единственной тайной, к которой люди считали возможным прикоснуться, были целебные свойства трав – ведь если боги дали им эти травы, значит, позволили и использовать их. Травники-целители были в каждом племени, и это не считалось преступлением перед могущественными грозными повелителями.

Таким человеком был Тай Хараган, что на древнем языке северных племён означало «холодный ветер». Он жил в небольшом горном племени, которое нашло себе пристанище в пещерах самой высокой горы Таорнагского хребта – горы Таорнаг. Пещеры служили надёжным укрытием от диких зверей и непогоды, а драконы, обитавшие на самой вершине этой горы, никогда не смотрели себе под ноги, потому что были сыты тем, что давали им равнинные племена. Тем не менее, племя Тая поддерживало обычаи и тоже приносило драконам жертвы, хоть и не так часто, как другие.

Тай был не только целителем, но и жрецом, который отвечал за соблюдение всех обычаев и проводил ритуалы жертвоприношений. Он хорошо выполнял свои обязанности, хотя каждый раз, видя безграничный ужас в глазах невинных жертв, чувствовал нестерпимое желание прекратить весь этот кошмар.

А ещё он должен был сообщать племени о том, приняли ли драконы жертву, сочли ли её достаточной, довольны ли. Он определял это по останкам на жертвенном холме.

Однажды наутро после очередного ритуала Тай Хараган нашёл у подножия алтаря изуродованную тушу дракона. Судя по глубоким ранам, драконы подрались между собой за добычу, и один из них погиб. Племя сочло это дурным знаком и покинуло своё убежище, спустившись вниз, под защиту дремучих лесов. Они быстро обжились на новом месте, но Тая не давала покоя мысль о том, что если драконы могут убить друг друга, то и люди могут их убить. Он понял, что племена Сальсирии поклонялись не богам, а всего лишь огромным, кровожадным хищникам. Особенным, наделённым магией, но смертным.

Долгое время Хараган хранил свои догадки при себе, а когда всё же рискнул поделиться ими с соплеменниками, то сам оказался крепко привязанным к жертвенному алтарю в наказание за то, что посмел даже помыслить о том, чтобы выступить против богов.

У Тая была семья – молодая жена Ильза и сын Ландр, которому к тому времени минуло всего десять лет. Их тоже было решено скормить драконам, но это решение не было единодушным. Были в племени и те, кому открытие Тая Харагана заронило в души зёрна сомнений.

Глубокой ночью, когда все приготовления и обряды были совершены, а вокруг алтарей вспыхнули костры, сообщающие великим драконам, где их ждёт сытный ужин, на жертвенный холм прокрались две тени – это были люди из племени Харагана, решившие освободить жреца и его семью. Они перерезали толстые верёвки, удерживавшие пленников, и попросили только об одном – избавить Сальсирию от драконов, если такое и правда возможно. Тай поклялся, что посвятит этому всю свою жизнь и уничтожит драконов Таорнага всех до последнего.

Он увёл жену и сына обратно в горы, к старому убежищу, а пока они поднимались по каменистому склону, драконы прилетели на сигнал и, не обнаружив ничего, кроме ярко пылающих костров, пришли в ярость. Они выжгли весь лес у подножия Таорнага и не оставили в живых ни одно живое существо, в этом лесу обитавшее.

Тай Хараган сдержал свою клятву. Он велел сыну во всём помогать матери, а сам ушёл к вершине, чтобы отыскать способ уничтожить драконов. И он нашёл его, хотя потратил на это многие годы.

Потерпев не одно поражение и залечив на своём теле не одну глубокую рану, Тай понял, что драконы не только крупнее, но и намного умнее и хитрее обычных животных. Они никого не подпускали к себе близко, а с большого расстояния пробить стрелой или копьём твёрдую, как камень, чешую было невозможно. В очередной раз едва не лишившись собственной головы, Хараган решил действовать хитростью.

В широком ущелье, на самом дне которого берёт своё начало река Таор, он устроил такой же жертвенный алтарь, какой сооружали его соплеменники. Несколько дней Тай охотился на горных коз и других крупных животных, чтобы добычи на его алтаре было много. Из синего мха и сонных трав он приготовил крепкое зелье, которым измазал туши, а вечером зажёл костры, извозился в грязи, чтобы скрыть свой запах, спрятался между камней и принялся ждать.

На его сигнал прилетели сразу четыре больших дракона. Они устроили кровавый пир и драку, а потом улеглись спать прямо там же, у алтаря, потому что под действием зелья Харагана не могли даже поднять свои огромные перепончатые крылья. Тай не рискнул приближаться к ним, поскольку опасался, что разбудит чудовищ и сам окажется добычей.

Зелье действовало. Он повторял эти жертвоприношения несколько раз, но всякий раз на зов прилетало несколько драконов. Понимая, что за спешку можно поплатиться собственной жизнью, Тай ждал, когда дракон будет один.

Клык первого убитого собственными руками чудовища он принёс домой, когда его сын Ландр уже возмужал, а в густых волосах возлюбленной жены появились седые пряди. Но радость первой победы омрачилась известием о том, что Ильза тяжело больна. Хараган на время оставил охоту, чтобы помочь ей, но совсем скоро несчастная отправилась в Небесные Храмы Даар, а мужчины продолжили начатое вместе.

Драконов с каждым годом становилось всё меньше, они стали прилетать к жертвеннику всё реже, а люди внизу стали чувствовать себя свободнее. Они начали строить себе жилища на равнинах, возделывать поля и выращивать скот. Жертвенные огни их костров загорались теперь по ночам только два раза в год – в начале весны и с приходом первых осенних заморозков.

Время не щадило Тая Харагана. Старые раны болели, руки перестали слушаться, да и ноги иногда отказывались повиноваться, но он поклялся уничтожить всех до единого драконов, и потому не давал себе покоя. Ландр помогал ему, как мог, а потом и вовсе принял на себя все обязанности, оставив отцу самое главное – приготовление сонного зелья.

Последний из драконов Таорнага очень долго не прилетал на зов жертвенных огней. Он был самым большим и умным из всех своих сородичей, мёртвые тела которых покоились в бесчисленных пещерах, ущельях и расселинах рядом с коварными местами ложных жертвоприношений. Но и этот дракон тоже стал добычей Хараганов.

Он спал глубоким сном возле окровавленного алтаря, когда Ландр Хараган поднял над собой длинное копьё, чтобы вонзить его дракону прямо в сердце, но руку охотника остановила сама Великая Богиня Даар. Она сказала:

«Постой, сначала я покажу тебе, что вы натворили, а потом ты сам решишь, остановить это сердце или позволить ему биться дальше».

Богиня подняла Харагана в свой Небесный Храм, откуда была видна вся Сальсирия от края до края. Это было днём, и в небе ярко сияло солнце, поэтому Ландру было хорошо видно, что происходит внизу.

«Я вижу счастливых, свободных людей, которые разрушили алтари и растят своих детей без страха перед чудовищами. Вижу дома и сады. Вижу широкие поля и длинные дороги. Я вижу жизнь», – ответил Богине Хараган.

Великая Богиня повела рукой, и мир внизу изменился. Исчезли зелёные леса и равнины, высохли озёра и реки, из горных ущелий на обнажившийся камень, где только что колосились спелые хлеба, полились дымящиеся потоки огненной лавы. Сальсирия превратилась в огромный безжизненный каменный остров.

«Что ты сделала? – закричал охотник. – Зачем ты всё уничтожила?»

«Я? – удивилась Богиня. – Нет, Ландр Хараган, это сделали вы, люди. Такой была Сальсирия до того, как я впустила сюда своих созданий. Драконы дали ей жизнь. Их магия остудила вулканы, взрастила травы и деревья, наполнила недра чистой водой. Это был их дом, который они создали для себя. Они впустили вас в этот дом, а вы всё уничтожили. Они были сердцем Сальсирии... Вы почти остановили это сердце. Если ты сделаешь то, что собирался, магия драконов исчезнет. Не сразу, но со временем эта земля вновь станет такой, какой была прежде – мёртвым камнем, на котором нет места ни для чего живого. Посмотри ещё раз вокруг и ответь сам себе – хочешь ли ты, чтобы сердце Сальсирии перестало биться?»

Богиня снова взмахнула рукой, и мир внизу опять обрёл яркие, живые краски, наполнился щебетом птиц, шумом водопадов, шелестом ветра в раскидистых кронах деревьев и весёлым детским смехом.

«Я хочу, чтобы Сальсирия осталась такой, но если дракон останется жив, то страх и горе вернутся на эти земли», – ответил Богине Хараган.

Великая Богиня задумалась ненадолго, а потом опустила Ландра обратно к спящему дракону, чтобы продолжить разговор там, но пока они были в Небесном Храме, Тай Хараган решил закончить то, что не успел сделать его сын. Он совсем ослаб от бесчисленных ран и старости, но всё же нашёл в себе силы поднять с земли копьё, размахнуться и нанести удар.

Ландр успел закрыть дракона своим телом в последнее мгновение. Острое копьё пробило насквозь его грудь и вырвало из кожи чудовища одну единственную чешуйку. Не в силах вынести горе от содеянного собственными руками, Тай Хараган бездыханным упал рядом.

Но там, где копьё повредило серебристую чешую, вдруг выступила крошечная капелька драконьей крови, которая смешалась с кровью человека и вскипела, возвращая жизнь за жизнь. Древко копья рассыпалось в прах, и Ландр Хараган вдохнул полной грудью, чувствуя, как его сердце бьётся в такт сердцу спящего дракона.

«Ну что ж, – молвила Великая Богиня. – пусть будет так! Ваши сердца останутся навеки связаны друг с другом. Дракон Таорнага будет спать до тех пор, пока бьётся сердце рода Хараган. Ты хотел сохранить Сальсирию для людей, Ландр, так храни её столько, сколько сможешь. Эта великая честь будет передаваться всем мужчинам рода Хараган, но в каждом поколении на свет будет появляться только один мальчик, как это происходит у драконов. И так же, как

у драконов, мать будет не просто давать ребёнку жизнь, но отдавать ему свою. С последним ударом сердца последнего мужчины рода Хараган дракон пробудится. Как долго вы сможете хранить его сон – зависит только от вас».

Великая Богиня Даар вернулась в свой Небесный Храм и с грустью наблюдала оттуда за тем, как из мира драконов Сальсирия превращается в мир людей. Почему она не вмешалась раньше? Да просто потому, что у богов куда больше дел, чем могут себе представить простые смертные.

Магия этого мира почти иссякла, но она есть, и те, кому достаётся хотя бы частичка этой магии, становятся обладателями великой силы. Ландр Хараган получил намного больше. Он стал величайшим из колдунов, но не для того, чтобы подчинить своей власти всю Сальсирию, а для того, чтобы защитить людей от них самих. Он запечатал пещеру спящего в горе Таорнаг дракона таким заклятием, которое открыть никому не под силу. Из тьмы и человеческих страхов он создал свирепых фьорагов, которые чувствуют магию и не позволяют тем, кто ею обладает, приблизиться к своему хозяину.

У подножия горы Таорнаг вырос неприступный замок, который стал домом для многих поколений рода Хараган. Сын и единственный наследник Ландра Харагана, названный в честь деда Таем, дал замку имя Латернон, которое на языке древних племён означает «жизнь».

С тех пор минуло уже несколько столетий, но род Хараган всё ещё бережёт Сальсирию. Говорят, что дракон давно мёртв, что всё это не больше, чем сказка, придуманная пращурами нынешних Хараганов для того, чтобы возвысить себя над другими... Говорят, но продолжают верить в магию спящего дракона, потому что матери наследников Латернона и по сей день отдают свои жизни детям. В каждом поколении всё так же появляется на свет всего один сын, хотя иногда рождаются и дочери.

Сердце рода Хараган продолжает биться, и кто знает, что будет, если оно вдруг остановится. Проснётся ли дракон? Или же всё это действительно вымысел? Проверить, насколько правдива эта легенда, и взять на себя ответственность за судьбу целого мира до сих пор так никто и не решился.

Подписано: Фэран Хараган, двадцать второй наследник рода Хараган,
год четырёхсот семьдесят шестой от основания Латернона

Такая вот история, м-да...

Я повидал на своём веку много разных людей – бедняков и богачей, рабов и королей... Каждый из них хотел от своей жизни чего-то большего, чем имел. Большие свободы. Большие золоты. Большие власти. Большие земель. Большие детей... Однажды мне довелось побывать в Латерноне, и я спросил лорда Саржера Харагана, который является уже шестьдесят седьмым по счёту потомком рода Хараган: «Чего бы вы хотели больше того, что у вас есть сейчас?» Он ответил: «Жизни. Свободной от проклятия жизни для своих детей. Долгой и счастливой жизни для их жён. Простой человеческой жизни, от которой не зависит судьба всего этого мира. Нам дана великая честь, но это и тяжёлое бремя, которого я не пожелал бы никому».

Верю ли я в эту легенду? Да, я верю. Я знаю, что мой король Белинаркус, как и многие до него, пытался разгадать тайну драконьей магии. Он окружил себя могущественными колдунами и поручил им найти способ получить власть над спящим драконом, чтобы подчинить себе всю Сальсирию, но, как и многие до него, так и достиг успеха, потому что род Хараган надёжно охраняет то, что доверено ему Великой Богиней Даар.

Мне кажется, что тот, кто заказал копию этой легенды, тоже желает получить гораздо больше, чем имеет. И если это действительно так, то мне искренне жаль этого человека, потому что тот, кто ради достижения своей цели готов поставить под угрозу существование целого мира, не достоин ничего, кроме жалости. Ну ещё разве что презрения.

За сим откланиваюсь, поскольку моего пера ждут ещё многие древние легенды, бережно собранные архивариусами Обители Времён во всех уголках нашей необыкновенно прекрасной, до сих пор хранящей остатки магии драконов Сальсирии.

*Ваш покорный слуга Брис Фид, узник Обители Времён,
бывший канцлер Иллиафии, наказанный великим королём Белинаркусом за то, что
посмел высказать ему в лицо слова, написанные здесь немного выше.*

Глава 1

В комнате было невыносимо душно. Со вчерашнего вечера Мэй не отходила от постели внезапно заболевшего отца, выражая благодарность всем, кто хотел хоть как-то помочь. Люди приходили, принося с собой мнения, советы, травы и зелья, запахи и слова, и уходили, оставляя только соболезнования.

К утру в покоях лорда Бавора Рионского остались только его воспитанница, личный лекарь лорда Харс и травница Дира. От переживаний и усталости Мэй уже не способна была даже пальцем пошевелить, а врачеватели будто бы и не провели всю ночь на ногах – они то оживлённо о чём-то спорили, то подходили к постели и тщательно ощупывали больного с ног до головы, то пускали и без того немощному старику кровь, то вливали ему в рот какие-то снадобья, которые потом стекали коричневыми струйками по подбородку и капали на бело-снежную простыню, оставляя на ней бесформенные пятна.

Он заболел неожиданно. Сидел за столом, улыбался, рассказывал какую-то забавную историю, а потом вдруг побледнел и свалился замертво. Толпа слуг немедленно бросилась спасать своего старого лорда, из деревни чуть ли не в исподнем в замок прибежали Харс и Дира, которых вытащили из одной постели, хотя они не были мужем и женой и даже на дух друг друга не переносили. Правда, толку от всей этой суеты было мало.

Утро сменилось днём, день – снова вечером, но объяснений случившемуся так и не нашлось. Если бы это был сердечный недуг или какое-то другое известное недомогание, которые в множестве случаются у людей солидного возраста, то всё было бы вполне закономерно. Но нет. Всего за сутки лорд Бавор Рионский высох, будто какая-то неведомая сила вытянула из него всё живое. Он стонал, мычал, иногда начинал хрипеть, и тогда Мэй становилось особенно страшно. Она так и просидела весь день в его комнате, не в силах уйти и хоть немного поспать, потому что боялась, что возвращаться уже будет не к кому.

– Это точно не болезнь, а какое-то колдовство, – понуро сообщил ей Харс, когда очередная порция лекарств снова вытекла изо рта лорда на подушку. – Мы всё перепробовали.

Дира поддакнула и с извиняющимся видом продемонстрировала хозяйке горсть опустевших пузырьков.

– Уходите, – устало выдохнула Алимея. – Спасибо, что хотя бы попытались его спасти.

– Мы могли бы сделать ещё одно кровопускание...

– Хватит его мучить. Если богам так угодно, вы ничем не сможете помочь. Только прикончите его своими кровопусканиями.

Врачеватели засуетились, собирая инструменты, пузырьки и скляночки. Не обращая ни к кому конкретно, Харс высказал мнение, что в такой ситуации было бы разумным начать созывать наследников, потому что лорд вряд ли переживёт эту ночь.

Наследники... Мэй горько усмехнулась. Не было у старика никаких наследников. Даже она, называвшая Бавора дедом, была ему чужой, подкидышем без рода и племени. Он оставил её в замке и воспитал как леди только потому, что тратить свою любовь больше было не на кого. Новым хозяином Риона после смерти лорда Бавора должен был стать её муж, но дед так и не нашёл для своей любимицы достойного избранника.

Оставшись с умирающим наедине, Мэй присела на край его постели и взяла в свою тёплую руку его холодные, костлявые пальцы.

– Ох, дедушка... Ведь ты же обещал, что не покинешь меня, пока своими руками не посадишь на спину коня моего первенца. А сам?... Ну что с тобой такое? Скажи, чем тебе помочь?

– М-м-м... Акх-х-х... Ам-м-м... – лорд Бавор из последних сил стиснул её руку и с большим трудом выпрямил указательный палец, показывая куда-то за спину воспитаннице.

– Что там? – Мэй обернулась, но не увидела ничего, кроме серого камня и тёмного зева камина, которым не пользовались с весны. – Тебе что, холодно? Да здесь же дышать нечем... Ладно, сейчас прикажу, чтобы принесли ещё одеял и затопили камин.

Она хотела встать, но старик снова сжал её пальцы и захрипел, упрямо показывая на стену.

– Ну что? Что там? Я не понимаю. Тут только камин, и гобелен над ним. Ты хочешь, чтобы я убрала гобелен? Но...

Лорд Бавор откинулся на подушки и всхлипнул так жалобно, что по спине Мэй поползли мурашки.

– Я не понимаю, чего ты хочешь, – обессиленно выдохнула она. – Ты устал, дедушка, поспи. Я посижу с тобой здесь ещё немного, чтобы тебе не было страшно и одиноко. А потом ты проснёшься здоровым и бодрым и скажешь мне всё, что хотел сказать сейчас, ладно? Поспи, родной, пожалуйста.

Мэй нежно погладила его холодные пальцы и поправила одеяла. Казалось, лорд Бавор внял её мольбе. Он успокоился, расслабился и смежил веки над провалившимися в глазницы глазами. Ужасно было видеть его таким – измождённым стариком, беспомощным, беззащитным. А ведь он ещё был не так уж и стар, даже седьмой десяток не перешагнул.

«Неужели она предсказала ему умереть именно сейчас? Нет-нет, он говорил, что доживёт до глубокой старости, когда у меня уже будут собственные дети. Он не мог меня обмануть. Не мог!»

– Ты ведь не обманул меня, правда? – шёпотом спросила она и почувствовала, как по щекам побежали горячие слёзы.

Лорд Бавор не ответил, потому что изо всех сил старался казаться спящим. Боль на куски рвала его тело изнутри, но он не хотел, чтобы воспитанница страдала, глядя, как сильно страдает он.

Мэй плакала. Его маленькая любимая девочка мучилась от горя и бессилия, а он не мог даже утешить её. Не мог ободрить, сказать, что всё будет хорошо. Он всё слышал и чувствовал. И видел. Даже сквозь закрытые веки он видел силуэт той, что каждую ночь надменно взираала на него со старого портрета, который висел над каминной полкой уже больше четырёх сотен лет. Призрак Рионской Девы, на протяжении последних столетий предсказывавшей смерть всем потомкам первого лорда Риона, стоял прямо за спиной Мэй, возвышаясь над ней прозрачной тёмной тенью.

«Оставь её! – мысленно приказал лорд Бавор и скрипнул зубами от нового приступа боли. – Она не принадлежит к моему роду. Делай своё предсказание и убирайся!»

«Я пришла не к тебе, – прошепел тихий женский голос в его голове. – Хотя у меня действительно есть для тебя предсказание. Тебя не смогут исцелить никакие лекарства и снадобья. И когда в замок прибудет колдун, за которым твоя воспитанница отправила посыльного в Гоотарн, он тоже зря потратит драгоценное время. Лучше тебе уже не станет, дальше будет только больнее. Ты будешь лежать здесь и умирать медленно и мучительно, пока мой гобелен не обратится в прах. Он соткан на магии крови, но связан не только с твоим родом. В нём переплетены нити тысяч судеб людей, о которых ты, возможно, даже никогда не слышал. Магия долго сохраняла прочность этих нитей, но время безжалостно ко всему, что создано руками человека. Полотно разрушается. Вчера в нём оборвалась одна единственная ниточка, преждевременно отняв чью-то жизнь и заставив тебя страдать. Каждый приступ боли, которую ты испытываешь – это ещё чьи-то внезапно оборванные жизни. Твои мучения могут продолжаться годами, пока не останется ни одной целой нити. Только тогда ты умрёшь. Такое предсказание ты хотел услышать?»

«Нет, это не может быть правдой! Уходи! Оставь меня и мою семью в покое! Я готов умереть хоть сейчас, только пусть это закончится!»

«Я не могу изменить действие магии, Бавор Рионский, она от моей воли не зависит. Мне так же больно, как и тебе, потому что я имею куда более сильную связь с этим полотном. Но я знаю, как можно исправить происходящее. Гобелен нужно переткать, заменить в нём старые нити на новые, и тогда всё прекратится. Алимея поможет мне сделать это».

«Его нужно уничтожить, и тогда всё это точно прекратится!»

«И лишить тем самым жизни тысячи людей? По-твоему, я для этого оберегала полотно четыреста лет?»

«Оберегала? Ты – проклятие нашего рода! Это всё из-за тебя! Убирайся отсюда!»

Тело лорда Бавора выгнулось от очередного приступа боли. Он застонал и почувствовал, как заботливые руки воспитанницы касаются его лица, вытирая влажной тканью выступивший на лбу пот.

«Я не к тебе пришла, Бавор Рионский. И я не спрашиваю твоего согласия или разрешения на то, что задумала сделать. Не понимаю, зачем я вообще потратила время на то, чтобы что-то тебе объяснить».

Он услышал испуганный вскрик Мэй, вцепился в простыни и с трудом разомкнул непослушные веки. Спальня была пуста. Лорд Бавор снова громко застонал, но в этот раз не от боли, а от отчаяния.

– Кто ты такая? – Мэй оттолкнула холодную руку, удерживавшую её запястье, и отпрыгнула назад, к кровати старого лорда.

Перед ней стояла высокая стройная женщина в длинном платье из тёмно-зелёного бархата. Её чёрные с редкой проседью волосы были собраны в высокую сложную причёску, каких уже давно никто не носил. Кожа была настолько бледной, что казалась бескровной. А лицо... Мэй была уверена, что раньше где-то уже видела эти тонкие губы, высокие скулы и большие карие глаза.

– Мы знакомы? – подозрительно сощурилась девушка, не дождавшись ответа на свой первый вопрос. – Что вы делаете в покоях моего деда? Кто вас сюда впустил?

– Тому, кто способен ходить сквозь стены, не нужно спрашивать разрешения войти у тех, кто охраняет дверь, – грустно усмехнулась незнакомка. – И этот человек тебе вовсе не дед, Алимея. Впрочем, ты и сама это прекрасно знаешь.

– Вы... – Мэй бросила быстрый взгляд на портрет над камином и почувствовала, как на затылке зашевелились волосы. – Вы и есть Рионская Дева? Хейлия Ра-Фоули?

– Моё имя Эйридия. Хейлия Ра-Фоули была моей матерью.

– Но в легенде говорится...

– Легенды, девочка, придумываются для того, чтобы скрыть истинное положение вещей. А ты, оказывается, храбрая. Не визжишь, не падаешь в обморок, не швыряешься в меня всем, что под руку попадёт. Даже не дрожишь, хотя я чувствую твой страх. Мне это нравится.

Женщина прошуршала юбками через всю комнату и присела на узкую мраморную скамью, которой в этих покоях никогда не было. Впрочем, здесь много чего раньше не было, а то, что было, постепенно меняло свои очертания и исчезало. Открыв рот, Мэй наблюдала за тем, как узкое стрельчатое окно расплзлось во всю стену и растворилось в воздухе, превратившись в открытый арочный проход на террасу, огороженную высокой балюстрадой.

«Это сон. Так не бывает...» – мелькнуло в голове, когда комната начала растягиваться в длинную галерею, стены которой были выложены белым мрамором и сплошь покрыты пёстрыми гобеленами, а на месте кровати с балдахином зажурчал фонтан, где плавали разноцветные рыбки.

– А ну прекратите немедленно это колдовство и верните меня назад! – нахмурилась Мэй.

– А командуешь ты так же, как и все... Присядь, Алимея, нам нужно поговорить. – Эйридия кивнула в сторону скамьи напротив. – Обещаю, что верну тебя обратно к несчастному старику сразу же после того, как ты выслушаешь меня.

– А если я не желаю вас слушать?

– А подарить Бавору Рионскому ещё несколько лет жизни ты хочешь?

Мэй немедленно села. Она готова была выслушать десяток призраков, если это могло помочь избавить дедушку от страданий.

– Вот и хорошо, – улыбнулась женщина. – Я не задержу тебя надолго. Просто объясню суть происходящего, а потом ты сама решишь, хочешь знать больше или нет. То, что ты видишь вокруг – это мой дом. Он действительно стоял на том же самом месте, где сейчас висится замок Рион. Моя мать Хейлия действительно была прорицательницей. И она правда предсказала смерть королевских отпрысков, за что поплатились жизнями все члены моей семьи. Только моей семьи. Легенда говорит, что убиты тогда были все, кто жил в городе, но это не так. Их дома сожгли, но другого вреда ни в чём не повинным людям не причинили. Они сами ушли отсюда, потому что считали эту землю проклятой.

– Из-за того, что на ней жила колдунья, которая предрекала смерть?

– Именно. Только колдуньей она не была. Моя мать умела читать судьбы, но никогда не навлекала бед на чужие головы.

– Да, я помню: «Она садилась за свой станок, брала в руки тонкую нить и ждала, когда сама судьба начнёт создавать полотно, на котором будет написано то, что предначертано платившему за пророчество...» – процитировала Мэй слова легенды, которую в замке Рион знал наизусть каждый.

– Нет, девочка, это происходило не так. Видишь все эти гобелены? – Эйридия указала на многочисленные полотна, покрывавшие почти каждый дюйм длинной стены. – Все они вытканы из шерсти фьорагов, а не овец. Шерсть этих латернонских псов длинная и мягкая, как шёлк. Она чёрная, и её нельзя окрасить или осветлить. Мои предки ткали из неё самые обычные полотна в две нити. Ткань получалась гладкой, лёгкой и блестящей, но абсолютно чёрной. Кто угодно мог вы ткать такое полотно, но его секрет был подарен богами только нашему роду. Для того, чтобы на ткани появился рисунок, нужно было всего две капли крови: одна того, кто хочет знать свою судьбу, а вторая – провидицы из рода Ра-Фоули. Стоило этим двум каплям упасть на полотно, как нити тут же начинали жить собственной жизнью. Они меняли цвет, перекручивались, сплетались в замысловатые узоры, и тогда появлялся рисунок. Потом к работе приступала прорицательница. Она читала человеческие судьбы по хитросплетениям нитей в этих картинах. Чтобы скрыть эту тайну, мы ткали из обычной овечьей шерсти копии получившихся полотен, которые и отдавали заказчикам вместе с их пророчествами. Оригиналы всегда хранились здесь, в этом доме, поскольку у них было ещё одно свойство – если уничтожить гобелен, в тот же день оборвутся жизни всех, чьи судьбы были по нему предсказаны. Представляешь, сколько это жизней, если пророчества касались многих поколений?

– Зачем же вы делали эти предсказания, зная, насколько они опасны?

– Род Ра-Фоули занимался предсказанием судеб испокон веков. Это очень выгодное занятие, поэтому мои предки были не особенно щепетильны в отношении последствий. Но провидицы рождались не в каждом поколении. До моей матери кровь предсказательницы была только у её пра-прабабки, поэтому некоторое время наша семья занималась просто ткачеством. Когда выяснилось, что мама унаследовала этот дар, её никто не спрашивал, хочет она делать предсказания или нет. Жадность, девочка, часто толкает людей на дурные поступки. В нашем доме постоянно случались ссоры из-за цены на пророчества. Моя мать хотела оградить любопытных от опасных последствий и поэтому всегда назначала непомерную цену в надежде, что человек откажется. Отец и другие родственники ругали её за это, потому что хотели больше богатств, чем имели. Король Эрард, будь он трижды проклят, заплатил за предсказание отцу, потому что мама не хотела принимать его заказ. Он избил её тогда до полусмерти и пригрозил, что свернёт шею мне, если она откажется сделать то, за что уже был получен аванс. Обещанное королём богатство застило ему глаза...

– Дальше всё понятно, – перебила Эйридию Мэй. – Она сделала предсказание, дети короля умерли, ваш дом был сожжён вместе с предсказательницей, а вам удалось выжить и унаследовать её дар, после чего вы принялись тиранить род рионских лордов, чтобы отомстить за смерть близких. Почему вы предсказывали смерть им, а не потомкам короля Эрарда? Ведь это он приказал уничтожить вашу семью.

Эйридия посмотрела на неё долгим грустным взглядом.

– За все эти четыреста лет, девочка, я сделала всего два предсказания. Одно первому лорду Рионскому. Я сказала ему, что если с моим гобеленом что-нибудь случится, от его рода останутся одни только воспоминания. Для этого мне не нужно было разбираться в переплетении нитей, да и дара такого у меня нет и никогда не было. Второе я сделала сегодня, когда объясняла Бавору Рионскому...

– Сегодня? – снова прервала её речь девушка. – Но ведь он говорил, что Рионская Дева предсказала ему смерть в глубокой старости. Это было лет шесть назад.

– Он солгал тебе, милая. В последний раз я появлялась в замке, когда лорд Бавор ещё не появился на этот свет.

– Я не верю вам. Зачем ему лгать? А как же все остальные предсказания? Ведь все говорят, что они были, и что всё сбывалось.

– Я не делала никому предсказаний. Я не умею этого. Да, иногда я появлялась в замке, чтобы посмотреть, в каком состоянии мой гобелен, но не для того, чтобы пророчить смерть. Даже сегодня я сообщила твоему старому лорду только то, что для меня очевидно. Моя мать умерла задолго до того, как было выткано полотно, которое висит в покоях хозяина замка Рион, поэтому мне неизвестно, о чём рассказывают переплетения нитей в нём.

Мэй нахмурилась, понимая, что запуталась. Она не спала почти двое суток и устала настолько, что вообще склонна была считать всё происходящее сном. Да и разве может быть правдой история, рассказанная призраком женщины, умершей сотни лет назад? Кстати...

– Я ни разу не слышала о том, что у рионской прорицательницы были муж и дочь, – девушка подозрительно сощурилась. – Почему я должна вам верить?

– Ты наконец-то начала думать, а не спрашивать первое, что придёт в голову, – улыбнулась Эйридия. – Мои слова легко проверить. В Обители Времени должны храниться записи о том, что произошло в тот день, когда погибла моя семья. Архивариусы бережно хранят каждую букву и цифру, которые удаётся отыскать. Там наверняка есть сведения о жителях Риона, их профессиях, доходах, даже о количестве кур и поросят на каждом подворье. Там же хранятся и летописи, и королевские указы. Если хочешь, можешь заказать копии документов и удостовериться, что я говорю правду, но на это уйдёт время, а у нас его очень мало.

– Я проверю, – пообещала Мэй. – Мой дед же не умрёт завтра, да?

Эйридия недовольно поджала губы и тяжело вздохнула.

– Ты ещё и упряма... Нет, он пока не умрёт, но умрут другие, и каждая новая смерть будет причинять ему невыносимую боль.

– Как это? – нахмурилась девушка.

– Я же сказала тебе, что мой гобелен особенный, не такой, как другие. Он соткан из нитей, которые удалось найти после того, как предок твоего лорда сжёг все полотна, найденные в моём доме. Все эти гобелены, – женщина снова указала на стену, увешанную картинами, – были тогда уничтожены. От них остались только крохотные обгоревшие клочки, которые я собирала и распускала на нити, чтобы спасти хоть что-нибудь. Мне было тогда десять лет, но я прекрасно понимала, какую беду на всю Сальсирию накликала предсказаниями моя мать. Началось страшное поветрие, которое унесло жизни почти всех, чьи судьбы оказались вплетены в эти полотна. Это были сотни и тысячи жизней, девочка. Забавно, но королю Эрарду каким-то чудом удалось избежать смерти, хотя вымер почти весь его род. Из оставшихся нитей я соткала полотно, которое висит над камином в покоях твоего деда. В нём судьбы тех, кто тогда выжил,

и их потомков, поэтому я велела первому лорду Рионскому беречь гобелен пуще собственной жизни. Но он разрушается. Время не щадит старые нити, они истончаются и рвутся, раньше времени обрывая судьбы людей. Поэтому я прошу тебя о помощи. Гобелен нужно переткать, пока он не рассыпался в прах.

– Но при чём здесь мой дед?

– Рисунок на гобелене появился тогда, когда на полотно попала кровь его предка. Он связан со всеми этими судьбами. Всякий раз, когда нить рвётся, это причиняет ему нестерпимую боль. И не только ему, но всем потомкам первого лорда Рионского. В этом роду было много детей, и те из них, кто живёт сегодня, испытывают точно такие же муки. Я не прошу тебя немедленно приступить к работе, хотя очень этого хотела бы. Подумай, прежде чем соглашаться, потому что пути назад потом не будет.

– Мне не нужно думать. Мой ответ – нет!

– Но разве ты не хочешь спасти жизни тех, кто...

– Нет, я не хочу повторять вашу ошибку, если всё это правда. Мне больно видеть, как мучается дедушка, но я не стану продлевать существование магии, которая ставит судьбы людей в зависимость от старой тряпки. Верните меня назад и оставьте мою семью в покое!

– Алимея, подумай, сколько людей может умереть! Ты сможешь спокойно жить, зная, что могла это предотвратить?

– Не нужно перекладывать на меня ответственность за ваши поступки. Я не стану вам помогать, даже если умрут все, включая меня. Если эта магия действительно имеет такую силу, её нужно остановить.

– Ты говоришь так потому, что у тебя никого нет, кроме старика Бавора. Тебе некого терять. Но я не могу тебя заставить, поэтому принимаю твоё решение.

– И будете искать другую помощницу? Нет уж. Я уничтожу гобелен, чтобы вы не смогли выполнить свой замысел.

– Хорошо, поступай, как знаешь, – Эйридия поднялась со скамьи и с тоской посмотрела вдаль, где за открытой террасой простирались цветущие сады. – Ты была моей единственной надеждой, поэтому не бойся, что я стану просить о помощи кого-то ещё. Можешь уничтожить гобелен когда захочешь. Больше я тебя не побеспокою.

Всё исчезло. Мэй всего лишь моргнула и тут же снова очутилась в комнате лорда Бавора, наполненной удушливыми запахами лекарств, пота и болезни. Она так же сидела на краешке его постели, как было до появления Рионской Девы. Только дед не спал. Он смотрел на свою воспитанницу полными отчаяния глазами и безмолвно плакал.

– Дедушка, ну что ты? Я здесь, с тобой. Я же обещала, что никуда не уйду.

Мэй вытерла слёзы с его ввалившихся бледных щёк и прижалась губами к холодным костлявым пальцам.

«Это всё неправда. Не может быть правдой. Я смертельно устала, поэтому мне всё придалось... Почему я? Почему она сказала, что я была её единственной надеждой?»

«Потому что в тебе течёт кровь Ра-Фоули», – едва слышно прошепел над ухом голос призрака.

«Ты обещала оставить меня в покое!»

Ответа не последовало. Посидев рядом с лордом ещё несколько минут, Мэй поняла, что если немедленно не позволит себе хоть немного поспать, то свалится прямо на пол. Она обошла большую кровать с другой стороны, забралась на неё с ногами и свернулась калачиком под боком у деда. Проваливаясь в сон, девушка почувствовала, как на её голову опустилась тяжёлая, мелко подрагивающая рука.

– Да, дедушка, я здесь, не волнуйся, – пробормотала она и крепко заснула.

Глава 2

– Я не хочу жениться, отец. Не сейчас. И уж точно не на ней. Сколько этой девчонке? Семнадцать? Да она ещё жизни не видела! Если тебе так нужен Рион, я поеду в Гоотарн к Хелигаргу и поговорю с ним о выкупе. Или захватим эту землю силой, как когда-то сделала Иллиафия. У нас вполне приличное войско, чтобы справиться с такой задачей.

– Нэйд, мальчик мой, ты хочешь войны? – лорд Саржер Хараган оторвался от чтения поступившей утром корреспонденции и удивлённо посмотрел на сына. – Ты разве не понимаешь, что это поставит под удар весь Латернон? О выкупе тоже не может быть и речи. Думаешь, я не пытался? А брак с воспитанницей Бавора Рионского принесёт нам Рион на позолоченном блюде быстро, без боя и крови. Это политика, сын. В любом случае, Латернону всё ещё нужен наследник, так что этот союз может принести сразу две пользы.

Нэйджел помрачнел. Дурная манера отца на каждом шагу напоминать о том, что Латернону нужен наследник, выводила его из себя. Он и так прекрасно понимал, что обязан произвести на свет сына, но это означало, что на его совести будет ещё одна отнятая жизнь.

– Дракон спит, пока род Хараган продолжается. Нэйд, ты прекрасно знаешь, чем может закончиться твой бунт против исполнения своего предназначения, – лорд Саржер чувствовал, что сын снова готов замкнуться в себе, как делал это последние шесть лет при любой попытке заговорить о повторном браке. – Вот смотри, эта горка писем – отказы от всех, кому я отправлял предложение о заключении брачного союза. Все, Нэйд, они все отказались. Они боятся, и я их прекрасно понимаю. Лорд Рионский предлагает нам то, о чём можно только мечтать. Его воспитанница – сирота, а других наследников у него нет. Если ты откажешься жениться на ней, это сделает кто-нибудь другой, или же король Иллиафии просто отдаст Рион тому, кому захочет. А если женишься, то после смерти старика Рион станет частью Латернона, и проклятый Хелигарг лопнет от злости, но ничего не сможет с этим поделать, потому что...

– В письме написано, что супруг получит право только управлять Рионом, а владеть этими землями будет она. Рион всё равно будет принадлежать не нам, а Иллиафии. Так мы только позволим Хелигаргу дотянуться до Латернона.

– Да, но после смерти жены все её владения станут твоими, а это значит, что Рион полностью уйдёт под власть Латернона. И Хелигаргу останется только локти себе кусать. Всего год, Нэйд. Если мы сейчас примем это предложение, то уже через год у нас будет и Рион, и наследник.

– И ещё одна мёртвая жена, да, отец? А что, если опять родится девочка?

Лорд Саржер втянул воздух носом и закатил глаза.

– Да какая разница, кто родится? Женишься тогда в третий раз, а Рион останется нашим. Чего стоит одна жизнь, которую никто не будет оплакивать, когда речь идёт о более важных вещах? Всё, что от тебя требуется, это подписать брачный договор и обрюхатить девку. И всё! Зачем ты опять усложняешь простое? Заставь уже свою совесть, или что там тебя гложет, заткнуться и прими правильное решение.

– Это ты начни думать своей головой. С чего бы лорду Рионскому отдавать нам свою любимую воспитанницу, зная, что она умрёт, рожая мне ребёнка? Тебе не кажется, что это странно?

– Нет, не кажется. Он же всё объяснил. Он воспитывал эту девчонку только для того, чтобы было, кому передать наследство. Ему плевать на то, что с ней станет после свадьбы.

– А разве не логичнее было бы воспитать мальчика и передать земли ему? Мне это не нравится, отец. Тут явно что-то не так.

– Да что тебе не так-то?! – взорвался лорд Саржер. – Думаешь, это Хелигарг подстроил, чтобы развязать войну? Мы покусимся на его земли, он ринется их защищать, а заодно и наши прихватит? Так что-ли?

– Вроде того. И не кричи, а то у тебя снова начнётся мигрень.

– А я буду кричать! – лорд вскочил и врезал по столу кулаком с такой силой, что стоявшая на краю стеклянная чернильница подпрыгнула, жалобно звякнула и свалилась на пол, изливая своё содержимое на дорогой ворсистый ковёр. – Я требую, чтобы ты женился на Алимее Рионской! Я и так слишком долго потакал твоим капризам! Несчастный он, жена у него умерла! У меня тоже умерла!

– Одна, – спокойно уточнил Нэйджел, возвращая чернильницу на место.

– Да, одна! А мой отец похоронил четырёх жён, прежде чем я появился на этот свет! Пять жён, Нэйд. Пять! А ты из-за одной сопли распустил!

– Ты успокойся, а то у тебя уже лицо пошло красными пятнами. Того и гляди, удар хватит. Так ведь можно и не дожить до появления наследника...

Лорд Саржер задохнулся от возмущения. А пока он хватал воздух ртом и собирался с силами, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, Нэйджел вышел из кабинета, бросив напоследок:

– На чернила не наступи, а то по всему ковру будут пятна. Я сейчас пришлю служанку, чтобы почистила тут всё. Ну и заодно обрюхачу её где-нибудь в тёмном углу, чтобы ты наконец от меня отстал. Рион мне при этом не достанется, зато одной головной болью будет меньше.

– Ну-ну, давай! Попробуй! – прокричал лорд Саржер закрывшейся за сыном двери и обессиленно рухнул обратно в кресло. – Если бы это было возможно, проклятому дракону уже давно был бы обеспечен вечный сон. Хоть самому женись, честное слово...

* * *

Мэй проснулась на рассвете оттого, что лорд Бавор больно вцепился в её волосы. В комнате стало заметно прохладнее и царил полумрак, в котором кто-то тихо шаркал по полу обувью. Прищурившись, девушка разглядела склонившихся над лордом Харса и Диру, которые явились, чтобы возобновить попытки спасти своего несчастного господина от неведомой болезни.

– Тс-с-с... – зашипел на Мэй Харс, заметив, что она проснулась. В тот же миг лорд снова потянул её за волосы.

Решив, что деду снова стало плохо, она аккуратно высвободила его пальцы из спутанных прядей и взволнованно заглянула в бледное лицо, но в этот раз родные черты исказила не боль, а самая настоящая паника – лорд с ужасом смотрел на врачей и, казалось, был готов провалиться сквозь каменный пол, лишь бы только его никто больше не пытался исцелять.

Поскольку до сих пор таланты лекаря и травницы не дали никакого результата, Мэй решительно выставила их за дверь и, чтобы не казаться чересчур уж грубой, вежливо попросила прислать в покои лорда кого-нибудь из слуг.

Это утро принесло ей осознание того, что теперь ответственность за Рион и его обитателей целиком и полностью лежит на её плечах. Нужно было хоть как-то успокоить домочадцев, заняться повседневными делами, приготовить комнаты для вызванных из Гоотарна колдуна и лучшего королевского лекаря, проследить, чтобы были убраны и другие гостевые комнаты на случай, если дурное известие приведёт в замок ещё кого-нибудь...

У Риона был свой управляющий, но он не касался забот по хозяйству. В его обязанности входили ведение бухгалтерских книг, регулярное пополнение припасов, приём и отправка корреспонденции. Всем остальным уже два года занималась Мэй, поскольку лорд Бавор воспитывал её как будущую хозяйку этого дома. Она отлично справлялась с руководством прислугой,

хотя сама освоила далеко не все тонкости их работы. Впрочем, каких-то особенных успехов в мытье посуды, мыловарении или чистке балдахин от неё никто и не ожидал.

Напомнив слугам, что болезнь хозяина не освобождает их от обязанностей, Мэй отдала все необходимые распоряжения и позаботилась о том, чтобы лорд Бавор был вымыт и накормлен горячим бульоном.

Ей нужно было занять себя чем-то важным и полезным, чтобы отвлечься от горьких мыслей о страданиях несчастного дедушки. И от раздумий о том, сон ей приснился накануне или она действительно говорила с призраком.

Кухарке повезло меньше других, потому что молодая хозяйка решила, что тут её помощь нужнее, чем где бы то ни было. В других обстоятельствах Криста попыталась бы избавиться от общества госпожи, убедив, что всё под контролем, но в сложившейся ситуации прогнать расстроенную девушку не решилась и доверила ей работу с луком, чтобы та заодно могла ещё и выплакаться, оправдав свои слёзы щипучестью едкого сока.

– Кристи, как ты думаешь, сколько времени может сохранять свою силу магия крови?

Стряпуха удивлённо приподняла правую бровь, перекинула на спину толстую рыжую косу и вытерла со лба пот измазанным в муке рукавом.

– Если вы действительно хотите знать моё мнение, госпожа, то я не верю ни в какую магию. И в проклятия не верю, и в благословения. Проще всего свалить неприятности на колдовство, чем искать истинную причину их появления. Не режьте так мелко, а то всё разварится.

Мэй подняла на неё красные опухшие глаза и отложила нож в сторону.

– Тебе не нравится, что я здесь, да? Я сегодня всем пытаюсь помочь, но, кажется, только мешаю.

– Ну что вы, госпожа? – кухарка густо покраснела и отвела взгляд, снова принявшись за тесто. – Вы совсем не мешаете, просто уже второй час кряду задаёте вопросы, на которые у меня нет ответа. Вам бы с отшельником Брисом поговорить. Вот он уж точно нашёл бы, что сказать.

– И правда... – девушка вскочила и хлопнула себя по лбу. – Он же двадцать лет писарем в Обители Времён... А до этого при дворе короля Белинаргуса служил, где колдунов было пруд пруди. Как же я про него забыла-то? Вот ведь растяпа! Спасибо, Кристи, прости, если надоела тебе тут своей болтовнёй.

– Ну что вы... – начала было кухарка, но Мэй уже вышла из кухни, поэтому оправдание так и осталось недосказанным.

Отправив первого подвернувшегося под руку мальчишку в конюшню с приказом оседлать её любимую каурю кобылку, Мэй вернулась в свою комнату, чтобы переодеться в костюм для верховой езды. Любимец лорда Бавора – толстый чёрный кот с нелепой, но соответствующей его характеру кличкой Наглец – развалился на кровати и только лениво потянулся, когда хозяйка велела ему идти ловить мышей.

– Вот ведь ленивый котяра! И за что только дедушка тебя кормит? А ну брысь отсюда, брысь! Ишь, нашёл себе тёплое местечко!

В ответ Наглец умильно прищурился и, сладко зевнув, забрался в изголовье кровати, поудобнее устроившись между подушками.

– Ну и сиди тут дальше в одиночестве, – проворчала Мэй, затягивая на груди шнуровку куртки, сшитой из мягкой оленьей кожи, – а другие коты, которые не такие наглые и ленивые, в это время съедят в кухне все самые вкусные кусочки, оставшиеся после обеда.

Кот закрыл глаза и громко замурлыкал. Девушка хотела вынести его из комнаты, чтобы не оставлять запёртым, но пожалела – уж очень сладко и безмятежно спал дедушкин любимец. «Вот бы мне так!» – с завистью подумала Мэй и ушла, оставив дверь приоткрытой, чтобы кот мог выйти, когда проснётся и захочет есть.

Запираться Мэй научилась пару лет назад, когда у лорда Бавора вдруг объявились дальние родственники, которые сразу же живо заинтересовались тем, кому достанется Рион после смерти нынешнего владельца. Обсуждать наследство при живом человеке – это отвратительное кощунство, но вопрос действительно был важным. По крайней мере, для лорда Бавора.

Пустив свою лошадку тихим шагом по лесной тропинке, Мэй задумалась о том, почему люди порой имущество ценят выше таких качеств, как честь, достоинство и гордость.

Человека, который претендовал на звание наследника Риона, звали Чарси Гарол. Ему было немногим за тридцать, и за эти годы он не нажил ничего, кроме дурной славы мошенника и кучи долгов.

Жена Чарси Эмма создавала впечатление послушной куклы, которую властный хозяин дёргал за верёвочки, заставляя делать то, что ему было нужно. Даже у кота Наглеца, не раз на дню получающего пинки под зад, было больше характера и чувства собственного достоинства, чем у этой женщины. А их дети... Они были просто невоспитанными.

По совести, их и родственниками-то можно было назвать с большой натяжкой – Чарси приходился дальним кузеном дальнему кузену внука дедушкиного кузена. Мэй жила в Рионе с самого рождения, но до своего пятинадцатилетия даже не знала о существовании этих людей. И дед не знал, но им всё же удалось убедить его в родственных узах.

Что можно взять со старика, у которого никого нет, кроме внучки-подкидыша? Конечно же, он был рад, что объявилась хоть какая-то родня. Точнее, сначала был рад, но когда Чарси с хозяйским видом принялся расхаживать по замку и рассуждать о том, что и как он здесь будет переделывать, лорд Бавор заметно погрузтел. Он ждал от родственников любви и внимания, хотя бы уважения, но так и не дождался.

Чарси не пытался заслужить право стать наследником – он его требовал. По законам Иллиафии унаследовать земли и титул мог только прямой наследник – сын. В случае смерти старшего сына, владения переходили к среднему, к младшему... Если сына не было, земли наследовала дочь, а титул позже назначался королём её супругу. Если прямых наследников не было вовсе, судьбу владений решал король.

С Рионом дела обстояли несколько иначе. Будучи долгое время на хорошем счету у королевской семьи, лорды Рионские заслужили право в случае отсутствия прямых наследников оставлять свои земли тому, кого сочтут достойным этой чести. Соответствующий указ хранился в архивах королевской канцелярии уже почти сто лет, но потребности воспользоваться исключительным правом до последнего времени не возникало – сыновей в Рионе всегда рождалось предостаточно.

У лорда Бавора Рионского тоже были сыновья. Точнее, два сына и две дочери. Их всех унесло поветрие, а леди Элейна, законная супруга лорда Бавора, не смогла пережить это горе и вскоре тоже отправилась к богам. Он так и не нашёл в себе сил завести новую семью, чтобы позаботиться о наследниках.

Откуда ночью при закрытых воротах в замковой конюшне появилась крошка Мэй, никто не знал. Повитуха давала голову на отсечение и клялась всеми богами, что за предыдущий месяц в Рионе и его окрестностях на свет не появилось ни одного младенца. Лорд Бавор не захотел разбираться в деталях происшествия, назвал это чудом и забрал малышку в замок. Он велел всем обитателям замка забыть о том, что девочка ему не родная, и воспитывал её, как собственное дитя. Даже когда Мэй выросла и достигла брачного возраста, он всё равно называл её «милой девочкой Алимеей» и отдавал всю нерастраченную любовь и нежность.

Он хотел, чтобы после его смерти Рионом владела она. Когда Мэй исполнилось тринадцать, старик начал подыскивать ей достойного мужа. Девочка не протестовала, потому что ничего в этом не понимала, и ей было всё равно, кто будет владеть землями, лишь бы любимый дед был счастлив.

В день пятинадцатилетия Алимеи у ворот Риона впервые остановилась выдавшая виды карета, в которой изнывала от жары и усталости семья Гарол. Они представились дальними родственниками и предъявили какие-то письма, это подтверждавшие. Конечно же, старый лорд им не особенно поверил, но принял гостей, потому что у его «милых девочек» в тот день был праздник.

Поначалу они вели себя тихо и скромно. Чарси рассказывал лорду Бавору о том, как их жестоко обманули и вышвырнули из дома жадные ростовщики, как нелегко жить в столице без громкого имени и влиятельных друзей, как дети страдают от голода, когда не удаётся найти приличную работу. Эмма молчала и только иногда тихонько плакала.

«Мэй, ты понимаешь, какая это удача? – радовался старый лорд. – Если они окажутся теми, за кого себя выдают, я оставлю Рион им, а ты сможешь распоряжаться своей судьбой так, как тебе захочется. Ты сможешь выйти замуж по любви, а не по моему выбору. Ты не будешь привязана к этим холодным камням никакими обязанностями. Алимея Рионская, ты будешь абсолютно свободна!»

Ошибкой или настоящей удачей лорда было то, что он не смог сохранить свой замысел в тайне. Сболтнул управляющему, тот поделился секретом с женой, та – ещё с кем-то... Не прошло и нескольких дней, как весь Рион до самого отдалённого уголка знал, что у старого лорда наконец-то появились законные наследники.

Гаролы оказались именно теми, за кого себя выдавали – очень-очень дальними родственниками лорда Бавора. Дед навёл о них справки, чтобы получить подтверждение родства, и заодно выяснил, что в Гоотарне Чарси не принимают ни в одном приличном доме. Он был карточным шулером и мотом. Крупно проигрался, заложил всё имущество, чтобы рассчитаться с долгами, наделал новых долгов и остался без крыши над головой, когда пришло время платить по счетам.

Когда лорд Рионский спросил Чарси, почему он не сказал правды, тот рассмеялся старику в лицо и заявил, что правда никому не нужна.

«Какое вам дело до моего прошлого? Оно осталось в прошлом, правду про меня говорят или лгут. Я больше не прикасаюсь к картам, потому что от этого страдает моя семья. Я изменился. И я готов доказать, что достоин права унаследовать Рион...»

Он приехал только для того, чтобы добиться права на наследство. Это очень сильно огорчило лорда Бавора, но он всё же решил присмотреться к Чарси – вдруг тот и правда изменился. Но нет, дальше стало только хуже.

Недальновидность Чарси была настолько очевидна, что вскоре над ним начали посмеиваться даже слуги. Старый лорд сразу же прекратил сплетни и сообщил всем обитателям замка, что Гаролы – просто гости в его доме, и не более того, но Чарси пропустил это мимо ушей. Он вёл себя, как хозяин, хотя не имел на это никакого права. Командовал, требовал, строил планы.

Его двенадцатилетний сын Тарк вёл себя не лучше. Однажды Мэй застала мальчишку в своей комнате выбрасывающим её платье из шкафа на пол. «Хозяин этого замка разрешил мне занять ту комнату, какую я захочу. Я хочу эту!» Мэй пошла к деду спросить, какую комнату теперь можно занять ей, но выяснилось, что лорд никому никаких разрешений не давал.

Разразился скандал. Чарси кричал, что старик всё равно скоро отправится к богам и должен радоваться, что есть кому оставить нажитое. Дед бил кулаком по столу и требовал немедленно покинуть Рион. Если бы не затяжные дожди, превратившие дороги в непроходимую грязь, семья Гарол покинула бы замок в тот же день. Но лорд Бавор никогда не был жестоким, он позволил им остаться ещё ненадолго.

Тарк и его восьмилетняя сестрёнка Риана тут же принялись устраивать Алимею пакости, поскольку Чарси сообщил своему семейству, что их «вышвырнули из дома из-за безродной потаскушки Мэй». По приказу лорда дверь в комнату его воспитанницы была снабжена замком,

от которого был всего один ключ. Дверь всегда была заперта, а уборку слуги проводили только в присутствии хозяйки.

Мэй видела, что старый лорд тяжело переживает происходящее. С одной стороны, он хотел защитить её от нападков своих родственников и должен был избавиться от их общества как можно скорее, но с другой стороны... Не мог же он выгнать Гаролов с детьми на улицу под проливной дождь. Девушка всё понимала и не упрекала старика ни в чём – он и так дал ей слишком много своей любви и заботы.

Вскоре дожди прекратились, дороги подсохли, и Гаролы покинули Рион. Они уехали, а привычка запираť дверь комнаты так и осталась, хотя в этом уже давно не было нужды.

Чарси приезжал в Рион ещё один раз спустя несколько месяцев после того, как был с позором изгнан из замка – без семьи, но с королевским посланником, которому надлежало получить от лорда Бавора Рионского подтверждение его родства с Чарси Гаролом. Этот наглец решил добиваться своего права на Рионские земли через короля.

Лорд Бавор подтвердил, что Чарси приходится ему дальним родственником, но поклялся, что не допустит, чтобы этот мошенник и негодяй унаследовал Рион. Он с новыми силами принялся за поиски мужа для Мэй, но не успел. Если бы он не был так щепетилен в выборе достойного спутника жизни для своей любимицы, Мэй уже давно была бы замужем и, возможно, сейчас носила бы под сердцем нового законного наследника Риона, а не занималась приготовлениями к приезду тех, кому здесь не рады.

Она не отправила Чарси сообщение о болезни старого лорда, потому что не знала, где искать этого человека и его семью. Но при этом была твёрдо уверена, что Гаролы заявятся в Рион первыми. Как стервятники, почуявшие запах лёгкой добычи.

Погрузившись в пучину воспоминаний, Мэй забыла о том, что возле поваленного бурей дерева с тропинки нужно свернуть влево. Она вообще не следила за тем, куда везёт её послушная лошадка, и догадалась осмотреться по сторонам только тогда, когда от тяжёлых мыслей её отвлёк шум разбивающейся о камни воды.

– Нежка, ты с ума сошла? Как ты сюда забралась?

Лошадь фыркнула и ударила по земле копытом, будто бы подтверждая свою уверенность в том, что принесла хозяйку именно туда, куда и нужно было. Выскользнувшие из-под копыта камешки резво покатались по склону и один за другим попадали в пропасть, по дну которой медленно несла свои ледяные воды река Таор.

– О-о-о, боги... – испуганно протянула девушка, пытаясь отвести лошадь подальше от обрыва. – Как же здесь высоко... Нет-нет-нет-нет-нет! Нежка, стой!

Но лошадь её не уже слушалась, потому что почувствовала страх хозяйки и тоже начала волноваться. Животное беспокойно переступало с ноги на ногу, пятилось и мотало головой, наотрез отказываясь подчиняться приказам.

«Сейчас мы вместе свалимся с этой скалы, и Чарси Гарол получит то, чего так страстно желал», – мелькнула в голове совершенно неуместная мысль, и Мэй что было сил вцепилась в поводья, норовившие вот-вот выскользнуть из рук.

– Да стой же ты, глупая скотина! – рывкнула она, ударив пятками лошади в бока с такой силой, что Нежка всхрапнула и замерла на месте. – Ну вот и славно. А теперь давай выбираться отсюда.

* * *

Нэйджел взволнованно наблюдал из своего укрытия за тем, как девушка пытается справиться с нервной лошадкой. На той крошечной каменной площадке на краю пропасти, куда забралась эта ненормальная, и пешему-то человеку негде было развернуться, не то, что всаднику на коне. Если бы они сорвались вниз, он ничем не смог бы помочь.

Единственное, что он успел бы сделать – это пустить стрелу в её сердце раньше, чем юное тело окажется разодранным в клочья острыми камнями на дне ущелья. Нэйджел уже даже вскинул лук и тщательно прицелился, чтобы сделать точный выстрел, но тяжёлая рука отца легла на плечо, и стрела вонзилась в сухую корягу далеко от цели.

– Не надо, Нэйд, она справится.

Нэйджел наградил отца долгим свирепым взглядом, а когда снова посмотрел на обрыв, всадница уже спешила и успокаивала свою лошадь, нежно поглаживая влажные раздувающиеся ноздри животного. Спустя пару минут она начала аккуратно спускаться вниз по узкой тропинке, ведя лошадку в поводу, и вскоре скрылась из виду.

– А она ничего, да? – ухмыльнулся лорд Саржер, похлопав сына по спине. – Только на мой вкус больно уж худа, но она всегда была тощей. Зато смелая.

– Ты её знаешь? – удивился Нэйджел и убрал вторую стрелу обратно в колчан.

– Ну да. Это твоя невеста собственной персоной. Правда, когда я её видел в последний раз, она ещё в куклы играла, но её трудно с кем-то перепутать. Рионцы либо рыжие, либо светлые, а эта девчонка там одна такая тёмненькая. У вас родится чудесный черноволосый...

Нэйджел помрачнел и скрипнул зубами.

– Отец, ты опять за своё?

– Но она же взволновала тебя, правда?

– Нет, неправда! Я хотел избавить её от мучений, а теперь хочу, чтобы она вернулась, свалилась в эту треклятую пропасть и свернула свою треклятую шею. Может тогда ты наконец от меня отстанешь!

– Ладно, уже отстал. Но всё равно она хорошенькая...

Нэйджел сплюнул себе под ноги и снова занялся тем, зачем пришёл в этот забытый богами уголок Латернонского леса – ему нужно было найти новую нору фирвисов, которые повадились таскать кур из деревни. Отец считал такое занятие не слишком подходящим для лорда, но всё равно увязался следом, всю дорогу донимая Нэйджела нравоучениями, перемежающимися с рассуждениями о браке и наследниках.

Нэйд и правда мог поручить уничтожение вредителей егерям или слугам. Если бы знал, что отец решит составить ему компанию, то так бы и поступил, но было уже поздно – лорд Саржер догнал его у кромки леса и радостно сообщил, что с удовольствием подышит лесным воздухом, а заодно поможет сыну отыскать убежище вороватых зверьков. Нэйджел шёл сюда не фирвисов ловить, а хоть ненадолго спрятаться от отца, но ничего не вышло. Только хуже стало. А теперь, когда и без того до ужаса надоевший своими увещеваниями родитель вдохновился увиденным, Нэйджел ждал нового, ещё более бурного потока убедительных речей об очевидной пользе этого союза.

Но отец молчал. Молчал все те часы, которые они бродили по лесу. Молча сидел на старом пне, пока Нэйджел расставлял ловушки на поляне, где разбросанные повсюду куриные перья явственно свидетельствовали о присутствии фирвисов. И всю обратную дорогу до замка тоже молчал, только кряхтел от усталости, да изредка бросал на сына многозначительные взгляды и мечтательно улыбался.

– Хорошо, отец, будь по-твоему. Я женюсь на этой девчонке, – сдался Нэйджел после позднего ужина, который тоже прошёл в молчании.

– С чего это ты вдруг передумал? – осведомился лорд Саржер, чувствуя подвох.

– А я не передумал. Я женюсь, чтобы ты получил Рион. Но спать с ней я не буду.

– Но это нечестно! – возмутился старый лорд. – Латернону нужен наследник, а не кусок спорной земли. Я бы не отказался от того и другого сразу, но если ты ставишь вопрос таким образом, этот брак не имеет никакого смысла.

– Либо так, либо никак, отец. Раз Рион сам по себе тебя не интересуется, я считаю этот вопрос закрытым.

Лорд Саржер недовольно поджал губы, швырнул на стол смятую салфетку и оставил сына в одиночестве. Нэйджел понимал, что такой вариант категорически не устроит отца, и был уверен, что после своих слов получит пусть кратковременную, но всё же передышку, пока старик будет собираться с силами и искать новые доводы. Донельзя довольный собой, он выбрал из вазы с фруктами самое румяное яблоко и с удовольствием вонзил зубы в сочную мякоть.

– Мы отправляемся в Рион завтра же! – прогремел от входа в столовую голос отца, и только что откушенный кусок яблока застрял у Нэйджела в горле.

* * *

Над Рионом уже сгустились сумерки, когда уставшая и измученная Мэй, едва переставляя ноги, добралась до крайнего из домов деревеньки, раскинувшейся у замковых ворот. Чувствуя, что не сможет больше сделать ни шагу, она тяжело привалилась к бревенчатой стене и сползла вниз, громко шмыгнув носом.

– Госпожа? – тут же раздался над головой знакомый голос жены скорняка Тарии. – Госпожа, что с вами? Вам плохо? Вас же все ищут.

– Я потеряла лошадь, – жалобно всхлипнула Мэй и попыталась подняться. – Она сбросила меня и ускакала. А там же скалы, дикие звери...

– Да дома ваша лошадь, давно уже пришла. А в замке такая суматоха началась... Всех слуг на поиски отправили, из деревни тоже мужчины в лес ушли. Как же это вы по дороге не встретили никого? А ну-ка, давайте-ка, пойдём в дом, чего здесь сидеть? Я вам чай травяной заварю...

Тария помогла Мэй встать и добраться до узкой лавки в просторной тёплой комнате. Из-за плотной занавеси тут же высунули свои любопытные носики дети – их у скорняка было трое, мал мала меньше. Хозяйка шикнула на пострелят и принялась хлопотать над девушкой, которая готова была не то заснуть, не то потерять сознание.

Быстро ощупав госпожу и не найдя никаких повреждений, кроме пары царапин и ссадин, женщина облегчённо вздохнула и занялась приготовлением ароматного травяного напитка. Правда, он уже не понадобился, потому что Мэй почти сразу же крепко заснула, прислонившись спиной к стене.

Глава 3

Мэй не помнила, как очутилась в чужой постели, но первые лучи утреннего солнца застали её спящей в компании сладко сопящих детишек. Крошечная девчушка с дивными золотистыми кудряшками и длинными пушистыми ресничками свернулась калачиком у неё под боком и чему-то мило улыбалась во сне. Мальчики – один лет пяти, а другой чуть помладше – забрались в дальний угол широкого топчана и утащили с собой единственное большое одеяло.

В доме было тепло, и вкусно пахло свежеспечёнными булочками. Почувствовав, что просто умирает от голода, Мэй аккуратно, чтобы не разбудить девочку, сползла с постели на пол и выглянула за занавесь.

Тария хлопотала вокруг стола, за которым завтракал её хмурый, но добрый супруг Дарен. Мэй хорошо знала эту семью. Лорд Бавор очень любил охоту и в последние годы часто брал свою воспитанницу с собой, а по пути домой они всегда заезжали в дом Дарена и Тарии, чтобы оставить скорняку тушки добытых куней и лис. Однажды они привезли с охоты целого медведя, шкура которого теперь лежала на полу перед большим камином в главном зале замка Рион.

Боги долго не давали скорняку детей, и поэтому Тария и Дарен изливали свою любовь на всех рионских детишек. Даже когда у них один за другим на свет родились трое собственных малышей, они не перестали баловать вниманием и заботой чужих детей. Мэй любила бывать в их доме, потому что здесь никогда не чувствовала себя чужой.

Заметив, что гостя проснулась, Тария поманила её рукой и шёпотом, чтобы не разбудить детей, предложила разделить с ними скромный завтрак. Мэй тихонько выскользнула из-за занавеси, отделяющей небольшую спальню от просторной светлой комнаты, в которой царили чистота, уют и волшебный аромат свежего хлеба.

– Мама, я тоже хочу есть! – трёхлетняя малышка протопала босыми ножками мимо застывшей на месте Мэй, взобралась на высокий табурет и засунула себе в рот румяную булочку. – М-м-м-м... Как фкуфно!

– И я хочу есть!

– И я!

Старший мальчишка забрался к отцу на колени, младший уселся рядом, а Мэй виновато посмотрела на хозяйку.

– Не переживайте, госпожа, им всё равно давно пора было вставать, – улыбнулась ей Тария. – Садитесь-ка лучше за стол. А вы, мелюзга, марш во двор умываться! Ишь, хитрые какие! Кто же это с немытыми руками и мордашками завтракать садится, а?

Дети насупились, положили булочки обратно на широкую деревянную тарелку и один за другим понуро поплелись к выходу, бросая сердитые взгляды на гостью, которую никто умываться не заставлял.

– Я тоже умоюсь, – подмигнула им Мэй. – А то вчера в лесу так испачкалась, что теперь, должно быть, больше похожа на ведьму, чем на девушку.

Она вышла вслед за детьми во двор, умылась вместе с ними прохладной чистой водой из большой дубовой бочки и, удостоверившись, что выглядит более-менее пристойно, вернулась в дом.

На столе её ждали глубокая миска с горячей кашей и большая кружка ароматного травяного чая. Дети уплетали свой завтрак за обе щеки. Дарен уже позавтракал и теперь всю помогать дочке, дуя на горячую ложку. Попробовав кашу губами и убедившись, что она достаточно остыла, скорняк сунул еду малышке в рот.

Хорошее настроение Мэй тут же как ветром сдуло, потому что в памяти всплыла совершенно другая картина – распростёртый на смятых простынях лорд Бавор и склонившиеся над ним лекари, поочерёдно заливающие в рот старика зловонные снадобья.

– Спасибо, Тария, Дарен, но я, пожалуй, пойду. Там дедушка... Я его со вчерашнего утра не видела.

– С лордом Бавором всё по-прежнему, – отозвался скорняк и зачерпнул ложкой новую порцию каши для дочурки. – Я отправился вчера в замок, чтобы сообщить, что вы нашлись и останетесь у нас, да там и заночевал. Ему плохо, но не хуже. Ночью из столицы вернулся посыльный и сообщил, что сюда едут лекарь самого короля Хелигарга и какой-то очень сильный колдун, которому наш король склонен доверять. Пока вы будете завтракать, ничего не изменится, поверьте. Поешьте, на вас уже лица нет от переживаний. Вы же любите булочки, которые печёт Тария, я знаю.

– Не фюфу фафу, фюфу булофьку, – малышка, перестав жевать, умоляюще посмотрела на отца, но тот нахмурился и отрицательно покачал головой.

– Пока не слопаешь кашу, булочку не получишь.

– Она не любит кашу, – пояснил Мэй старший мальчик, – но мама говорит, что без каши нельзя вырасти.

– Правильно говорит, – согласилась Мэй и села завтракать.

Каша показалась ей невероятно вкусной, поскольку во рту со вчерашнего утра не было ни крошки. Когда миска опустела, Тария предложила добавку, но Мэй чувствовала, что больше в неё ничего не влезет. Разве что чай...

– Простите, госпожа, это не моё дело, но что вы делали одна в лесу? – поинтересовался Дарен, когда Мэй сыто вздохнула и потянулась к кружке с горячим ароматным напитком.

– О, я хотела повидать Бриса Фида, отшельника, который живёт в пещере у Волчьей балки. Вы же знаете его, он очень умный, а мне нужны были ответы на кое-какие вопросы. Только вот в пещере его не оказалось, а когда я решила, что ждать не буду, и поехала домой, Нежка сбросила меня и удрала. Вы не поверите, но я заблудилась. Впервые в своей жизни. Я пыталась отыскать свою лошадь, но постоянно ходила кругами, всё время возвращаясь в Волчью балку к пещере. Ну а когда уже начало смеркаться, услышала лай собак, пошла на шум и вышла к деревне.

– Папа сказал, что волки могли тебя съесть, – сообщила девочка, сползая с коленей отца. Она прихватила со стола пухлую булочку и выбежала во двор, куда уже успели удрать её сытые братья, пока родители не придумали им какие-нибудь обязанности.

– Волки? – удивилась Мэй. – Мы же прогнали стаю дальше к востоку. Они что же, снова вернулись?

– Это другие волки, – пояснил Дарен. – Пару недель назад пришла новая стая. Они устроили себе логово неподалёку от водопада и постоянно расширяют свою территорию, нападая на всё, в чём видят угрозу. Странно, что лорд не сказал вам об этом, он вроде как знает.

– Да, он что-то говорил про то, что пока на охоту мы ходить повременим, но я, как всегда, либо прослушала самое важное, либо что-то неправильно поняла. Спасибо вам, я всё-таки пойду.

– Подождите, госпожа, – спохватилась Тария. – Дайте я вам хотя бы волосы расчесу и косу заплету, а то... ну... в таком растрёпанном виде...

Мэй кивнула и позволила хозяйке заняться волосами, пока Дарен убирал посуду со стола. Волосы у неё были длинные, ниже пояса, чёрные, как смоль, кудрявые и ужасно непослушные. Молоденькая служанка Нора, которую Мэй выбрала себе личной прислугой по настоянию лорда, по утрам тратила довольно много времени на то, чтобы привести эту гриву в порядок. Высоких замысловатых причёсок Мэй не носила, иначе на их сооружение уходило бы по полдня. Одна коса или две – этого было достаточно.

Девушка не представляла, на что похожа её голова после вчерашнего приключения, но, слушая охи и вздохи радушной хозяйки этого гостеприимного дома, от всей души ей сочувствовала. Тария с большим трудом распутала заплетённую накануне косу и принялась расчёсывать длинные пряди изящным костяным гребнем, который Мэй сама подарила ей по случаю рождения первенца. Ей тогда было всего двенадцать, и она ужасно радовалась, что у этих добрых людей наконец-то родился свой собственный ребёнок.

– Ох, а тут колючка запуталась, – снова охнула Тария. – Представляю, что подумали бы ваши гости, явись вы перед ними с такой копной на голове...

– Гости? Какие гости? – Мэй почувствовала, как по спине пополз неприятный холодок.

– На рассвете в замок верхом прибыли двое мужчин, – отозвался Дарен, который уже справился с наведением порядка на столе после завтрака и теперь разложил на нём свои инструменты, проверяя их остроту. – Я их никогда не видел раньше, но лица у обоих были очень злыми. Особенно у того, который помоложе.

– Может, это помощь из Гоотарна уже приехала? – предположила Тария.

– Вряд ли. Гонец прискакал ночью и сказал, что они только собираются в путь. Они не могли приехать так быстро.

«Чарси! Мерзавец! Только бы они ничем не успели навредить дедушке!»

Мэй вскочила с табурета и опрометью кинулась к выходу из дома, не обращая внимания на то, что оставила клочок волос в руке опешившей от неожиданности Тарии.

Она босиком мчалась по узкой деревенской улочке, перепрыгивая на ходу через гусей и кур, гонимая страхом за жизнь старика, беспомощно лежащего в своей постели. Они могли обмануть слуг, обмануть лекарей, обмануть всех, но только не её! Гости, как же! Кому только могло прийти в голову впустить незнакомцев в замок?! Что если дедушка уже...

Вихрем промчавшись мимо замковой стражи, Мэй стремительно преодолела широкий двор, ворвалась в главный зал, едва не сбив с ног перепуганного управляющего, и практически взлетела вверх по лестнице под изумлённые взгляды ничего не понимающих слуг.

Незнакомцы действительно находились в покоях деда. Один сидел на табурете у постели и сжимал бледную костлявую руку лорда Бавора в своей широкой ладони. Второй стоял рядом и внимательно разглядывал маленький пузырёк с какой-то тёмной жидкостью внутри.

– А ну убирайтесь вон отсюда! Оба! Немедленно! Стража!!! – заорала Мэй так громко, что горло тут же свело от боли.

Мужчины дружно повернули головы и уставились на неё так, будто увидели перед собой заморское чудовище. Они были как две капли воды похожи друг на друга – одинаковые тёмные волосы, одинаковые серые глаза, даже рост у них был одинаковый. Только один был постарше и лысоват.

– Ого! Вот это ведьма! – старший выпучил глаза и восхищённо присвистнул.

– Кажется, я только что передумал... – многозначительно изрёк младший, удивлённо приподняв одну бровь. – Отец, мы едем домой.

– А ну стой, где стоишь! – рявкнула на него Мэй, злобно сверкнув глазами, когда тот попытался сделать шаг в её сторону.

– Ну ты уж определись, убираться нам вон или стоять на месте, – скривился молодой человек.

Услышав доносящийся со стороны лестницы топот и звон мечей, девушка почувствовала приближение подмоги и одним ловким движением выхватила из руки незнакомца пузырёк со снадобьем.

– Что это? Что вы ему дали? Дедушка! Ты меня слышишь?

Лорд Бавор попытался приподнять голову, что-то промычал и снова откинулся на подушки, крепко вцепившись высохшими пальцами в одеяло.

– Мы ничего ему не давали, успокойтесь, пожалуйста, – примирительно поднял руки вверх старший незнакомец. – Нам только что разрешили сюда войти, а этот пузырьрёк стоял на столике у кровати рядом с другими лекарствами. Нэйд просто хотел посмотреть, чем доктора потчуют вашего деда.

– Госпожа, что случилось? Почему вы кричали? – прогремел над ухом голос начальника замковой стражи Тогарда.

– Кто эти люди? – осведомилась Мэй, не оборачиваясь.

Ей категорически не нравились оба гостя, особенно молодой, который снисходительно смотрел на неё сверху вниз, как на неразумного ребёнка.

– Это лорды из Латернона, госпожа, они прибыли в Рион на рассвете. Прикажете выставить их за ворота?

– Пока что я прикажу выставить их из покоев вашего лорда. Пусть ожидают меня в главном зале, я сейчас спущусь.

Мэй гордо вздёрнула подбородок и наградила молодого лорда взглядом, не сулившим ничего хорошего. Дождавшись, пока знатных незваных гостей вежливо выведут из спальни деда, она присела на постель рядом со стариком, взяла его холодную руку в свою и прижалась к сухой, как пергамент, коже тёплыми губами.

– Дедушка, с тобой всё в порядке?

Старик приоткрыл ввалившиеся, но всё ещё ясные глаза и сжал её руку. Мэй почувствовала, как по её щекам снова побежали горячие слёзы.

– Не бросай меня, дедушка, пожалуйста. Я никому не дам тебя в обиду. Кто эти лорды, ты их знаешь?

Лорд Бавор медленно опустил веки и снова открыл глаза.

– Это ты их сюда позвал?

Он сильнее сжал пальцы и снова моргнул.

– Зачем? Они могут тебе чем-то помочь?

И снова немой ответ был «да». Понимая, что большего от немощного старика добиться не удастся, Мэй поцеловала его в обвисшую кожу морщинистой щеки и пообещала обязательно навестить чуть позже. Выходя из комнаты, она ненадолго задержалась перед камином, на стене над которым висел старый гобелен. Ей показалось, что полотно стало выглядеть хуже, чем два дня назад, но ведь такого просто быть не могло. Не может вещь, сохранявшая свою прочность на протяжении нескольких столетий, рассыпаться в прах всего за несколько дней. Или может?

Мэй приказала себе не думать об этом, потому что нужно было решать куда более важные проблемы. Например, нужно было выяснить, зачем латернонские лорды пожаловали в Рион. Они не нравились Мэй, и она чувствовала, что причина их появления здесь ей тоже не понравится.

Глава 4

Нэйджел не привык, что его разглядывают, и поэтому злился. Мало того, что эта нахалка позволила себе орать, так ещё и выставила их на всеобщее обозрение в главный зал замка. Слуги делали вид, что заняты своими делами, но на самом деле с любопытством таращились на гостей, переглядываясь и шушукаясь по углам. Чувствуя, что вот-вот взорвётся от негодования, Нэйджел заставил себя не обращать внимания на происходящее и принялся внимательно изучать то, что его окружало.

Лорды Латернона крайне редко покидали свои земли, но были прекрасно осведомлены о том, что происходит в королевствах Сальсирии. С каждым из королевств давным-давно было подписано мирное торговое соглашение, которое ограждало Латернон от посягательств и одновременно открывало доступ к любой информации о соседях и торговых партнёрах.

С самого детства Нэйджел только и делал, что читал и учился. Он изучил историю всех королевств до дня их основания, мог ночью спросонья безошибочно перечислить имена королей и даты их правления, прекрасно разбирался в географии, финансовых делах и юридическом праве, знал все когда-либо существовавшие в и существующие в Сальсирии законы, устои и порядки. Преуспел в алхимии и других науках и даже взялся за изучение магии, но практически сразу забросил это увлечение, потому что любая магия в Латерноне была строжайше запрещена.

О Рионе, как и о других землевладениях в Иллиафии, он тоже знал всё. Для него Рион был не больше, чем куском земли, за который постоянно кто-то грыз другому глотку. Изначально Рион был маленьким торговым городком с небольшим портом на берегу Спящего моря. Порт прятался в небольшой бухте, куда редко заглядывали крупные торговые суда, зато частенько наведывались мелкие судёнышки, шнырявшие туда-сюда вдоль восточного побережья Сальсирии. Иллиафия тогда ещё не была единым королевством и состояла из множества таких вот самостоятельных городов, объединённых между собой только торговыми путями. Потом с юга явились завоеватели, которые взяли без боя города один за другим, объединили земли в одно большое владение и назвали его королевством. Рион стал столицей этого королевства, но позже утратил этот статус, поскольку Гоотарн оказался новоявленным королём более привлекательным со всех точек зрения. Владыки ушли, успев отстроить роскошные дома, разбить сады и превратить маленький городишко в благоухающий оазис мира и покоя.

Сам по себе Рион не представлял особой ценности, но его граница с Латерноном заставляла правителей цепляться за право владеть этой землёй. Жадные руки иллиафских королей испокон веков тянулись к Латернону, но их удерживала от прямых посягательств древняя легенда о спящем под горой Таорнаг драконе, который непременно проснётся и уничтожит всё сущее, если кому-то вздумается напасть на Латернон. Тогда правители Иллиафии решили действовать хитростью и объявили баснословную награду тому, кто принесёт важные сведения, которые помогут завладеть землями Латернона без боя и, самое главное, заполучить власть над драконом.

Рион, земли которого простирались по всей длине реки Таор, отделявшей Латернон от Иллиафии, наводнили шпионы и другие охочие до объявленной награды мерзавцы, которые заодно с решением поставленной задачи устроили и раздел рионских земель. Лордам Латернона надоело терпеть это безобразие, и они потребовали от иллиафских королей очистить Рион от своих буйных ищек, объявить город свободной торговой зоной и исключить его из состава земель, принадлежащих Иллиафии. В случае невыполнения этого требования лорды пообещали разбудить дракона и показать ему, куда нужно направить свой разрушительный гнев.

Так Рион стал свободным торговым городом между Латерноном и Иллиафией, утратив при этом почти две трети своих земель. По сути, свободная территория ограничивалась поло-

сой леса шириной в несколько миль, тянувшейся вдоль реки Таор, собственно городом Рион, улочки которого спускались с холма вниз до самого залива, и клочком пустоши между побережьем Спящего моря и широким торговым трактом.

Короли Иллиафии на время оставили попытки присоединить к своим землям ещё и Латернон и передрались между собой за другие земли, в результате чего правитель в Иллиафии остался всего один. На протяжении пары столетий Рион оставался независимым, в нем процветали всевозможные ремёсла и торговля. Часть леса вырубили под пастбища для овец, которые снабжали шерстью местное ткацкое производство. Вытканые здесь гобелены и ковры были очень высокого качества, поэтому город рос и богател на глазах.

Такое величие прямо под носом не могло не раздражать какого-то-там по счёту короля Иллиафии, поэтому он решил снова присоединить Рион к своим землям. Правда, перестарался и полностью разрушил город, о чём даже есть весьма занятная легенда, связанная с пророчествами и призраками. Латернон закрыл глаза на это безобразие и выполнять давнюю угрозу не стал, но торговый договор с Иллиафией всё же расторгнул. Для Иллиафии потеря была небольшой, а Латернон при этом потерял выход на сушу. Морская торговля серьёзно затруднялась скалистым берегом и рифами, поэтому через пару десятков лет торгово-мирное соглашение всё же было восстановлено.

Рион по взаимному согласию сторон вновь был добавлен на карту Иллиафии, но при этом было строго оговорено, что любая попытка перебраться через реку Таор в обход торгового тракта будет расценена как попытка нарушить договор. Указом короля Эрарда III жителям Риона и его окрестностей было велено даже не смотреть в сторону реки Таор. Латернон, в свою очередь, усилил прибрежную охрану и предупредил своих подданных о том, что все перемещения возможны только через торговый тракт.

Город Рион так и не был восстановлен. На месте старого дворца воздвигли замок, вокруг которого выросли несколько маленьких деревень. Замок неоднократно подвергался нападениям, потому что в Иллиафии междоусобицы были привычным делом, но лордам Рионским на протяжении последних четырёх столетий всё же как-то удавалось сохранить эти земли во владении своего рода. Очень старого рода, который перестанет существовать с последним вздохом лорда Бавора, поскольку старик не оставил потомства.

Нэйджел с интересом оглядел стены, которым никак нельзя было дать больше сотни лет. Должно быть, это крыло замка было отстроено не так давно. Каменная кладка выглядела вполне надёжной, не зияла трещинами и даже не пропускала сквозняки, что говорило о высоком мастерстве архитектора, занимавшегося этой постройкой.

По дороге сюда он внимательно присматривался к тому, что должно было перейти к нему в управление после женитьбы на этой чокнутой ведьме, Алимее Рионской. И ему нравилось то, что он видел: тучные коровы и овцы паслись на пастбищах, огороженных добротными заборами; окна крепких деревенских домов сверкали на солнце дорогим хейнормским стеклом; крестьяне и их дети выглядели здоровыми и сытыми. Замок и его обитатели тоже создавали впечатление, что хозяева не просто живут на широкую ногу, а заботятся о том, чем владеют. Рион был лакомым кусочком, и это объясняло, почему король Хелигарг не стал бы отдавать его кому попало.

Всё было понятно, кроме одного – зачем Рион понадобился отцу? Хелигарг и несколько поколений его предшественников никак не выказывали намерений запустить свои алчные руки в Латернон. Они строго соблюдали договор, предпочитая честную торговлю, и не заступались за тех, кто пытался нарушить границы владений. Маленькое северное лордство все давно оставили в покое, так зачем сейчас нужно было возобновлять давно забытый спор за кусок земли, от которого Латернону было больше вреда, чем пользы?

– Отец, скажи честно, зачем тебе Рион? – Нэйджел переключил своё внимание на лорда Саржера, который в этот момент развлекался тем, что пытался подманить куском сыра толстого чёрного кота.

Один из стражников, услышав его вопрос, напрягся и подошёл поближе. Нэйджел не стал возражать столь откровенному интересу, поскольку считал, что раз уж ему предстоит повелевать этими людьми, то они должны сразу знать правду, а не шептаться потом по углам, домысливая недосказанное.

– Ну как же, – отозвался лорд Саржер, не удостоив сына взглядом, – я ведь тебе всё объяснял... Кыс-кыс... Кы-ы-кыс-кыс-кыс... Вот ведь упрямый кот, а! Ну и ладно, сам съем.

Он демонстративно засунул сыр себе в рот и принялся медленно его жевать, всем своим видом показывая коту, насколько это вкусно. Осознав, что еда ему уже не достанется, кот повернулся к гостю спиной и занялся вылизыванием задней лапы.

– Отец...

– Ну что? Ну сколько можно одно и то же повторять? Я хочу расширить и укрепить наши границы. К тому же, ты уже согласился на этот брак, так что оставь политику мне и делай то, что от тебя требует долг рода Хараган.

– Да будь трижды проклят этот долг... О! А вот и ещё желающие укрепить свои границы! Интересно, этот хлыщ тоже жениться приехал или у него другие виды на эту землю?

Он криво ухмыльнулся, разглядывая конкурента. Или не конкурента – у гостя на лбу не было написано, зачем он явился в Рион. Впрочем, поведение последнего не оставляло сомнений в его намерениях прибрать владение к рукам, да и помрачневшие лица слуг и замковой стражи только подтверждали это.

Новый гость был одет скромно, но не бедно. В его дорожном костюме не было излишеств, но запылившийся плащ был сшит из качественной ткани, высокие сапоги выглядели добротно и даже некоторым образом элегантно, а тщательно зачёсанные назад и перехваченные узкой бархатной лентой длинные светлые волосы свидетельствовали о том, что мужчина уделяет немало внимания своей внешности.

«Интересно, если он скакал сюда верхом, то как умудрился сохранить голову настолько прилизанной?» – не без ехидства подумал Нэйджел и запустил пальцы в свои всклокоченные каштановые космы. Он видел этого человека впервые и ещё даже не успел познакомиться с ним, но почему-то уже начал испытывать неприязнь к гостю лорда Рионского и его воспитанницы.

Лорд Саржер тоже недовольно скривил губы, но его недовольство было вполне объяснимо. Во-первых, никто не соизволил уведомить лордов Латернона о том, что их уважаемый сосед при смерти. Саржер вёз сюда сына, будучи уверенным в том, что они с лордом Бавором досконально обсудят все детали брачного договора и достигнут соглашения по вопросам, которые латернонскому лорду показались спорными. Увы, сосед не то что обсуждать какие-то условия, он и одного-то слова не мог внятно вымолвить. А если принять во внимание его состояние, то было понятно, что окончательное решение теперь будет принимать взбалмошная девчонка, у которой ветер в голове.

Во-вторых, внезапная болезнь лорда Рионского, понятное дело, привлекла к Риону пристальное внимание тех, кто был охоч до этих земель. Саржер не взваливал на плечи сына обязанность следить за границей Латернона, поэтому мальчик и не понимал, что лучше самому владеть приграничными землями и знать, что здесь творится, чем сидеть на бочке с порохом и гадать, какая блажь может прийти в голову соседям. Да, король Хелигарг не совал нос в дела Латернона, но кто мог гарантировать, что его наследники не захотят добиться того, обо что другие обломали зубы?

Коварные воды реки Таор обеспечивали Латернон достаточно надёжной защитой от незваных гостей, но земли Риона дали бы возможность усилить эту защиту. К тому же, здесь

можно было бы поселить тех, кого на тот берег реки не пускали фьораги. Лорд Саржер давно оценил возможности Риона, но до последнего времени не видел законного способа завладеть этой землёй. Бавор Рионский принёс ему решение на золотом блюде. Это было очень хорошее решение, если бы не внезапная болезнь соседа и её последствия. Одно из этих последствий теперь стояло посреди главного зала замка Рион и сверлило их ненавидящим взглядом.

– Это Чарси Гарол, насколько я понимаю, – сообщил лорд Саржер сыну. – Мне докладывали о нём и его претензиях на Рион. Прескверная личность.

– Вот как? – язвительно отозвался Нэйджел. – А я почему-то первый раз слышу о существовании этой личности.

– Зато ты преуспел в ловле фирвисов. Не переживай, кажется, сейчас у нас будет прекрасная возможность познакомиться с господином Гаролом поближе.

Чарси действительно широкими шагами направлялся к ним, гневно сдвинув брови. Стражники, охранявшие латернонских лордов по приказу молодой хозяйки, заметно напряглись. Управляющий, который намеревался о чём-то поговорить с гостями, резко изменил направление своего движения и исчез в кухне. Слуги окончательно побросали свои дела и сбились в небольшие группы, шёпотом обсуждая происходящее.

– Кто вы такие, и что вы делаете в моём доме?! – осведомился Чарси настолько громко, что его, кажется, слышали даже крысы в замковых подземельях.

«Голос у него тоже противный», – пришёл к выводу лорд Саржер и миролюбиво улыбнулся:

– Зачем же так кричать? Моё имя Саржер Хараган, думаю, вы слышали обо мне. А этот молодой человек, – он кивнул на Нэйджела, – мой сын. Мы прибыли в Рион по приглашению лорда Бавора.

– Старик при смерти и не в себе, он не сможет вас принять. Уезжайте!

Нэйджел скрипнул зубами, но промолчал, предоставив отцу вести беседу с наглецом, шею которого так и просила, чтобы её свернули.

– Но он уже нас принял, – возразил лорд Саржер. – И теперь мы ожидаем, когда нас изволит принять леди Алимея.

– Леди? – Чарси скривился так, что его лицо стало похоже на сушёную сливу. – Она не леди. Она вообще никто. Если у вас есть дела к моим слугам, можете обсудить их со мной. Только поскорее, потому что у меня нет времени на всякие глупости.

Нэйджел был с ним полностью согласен – босая растрёпанная девчонка с торчащими во все стороны волосами, царапинами на лице и прорехах в одежде совершенно не вязалась с его представлениями о леди. Если бы не стражники, которым было приказано охранять гостей до прихода этой «леди», он бы с удовольствием воспользовался моментом и покинул Рион, потому что уже успел утвердиться во мнении, что допустил накануне непростительную ошибку, дав возможность отцу притащить его сюда. С другой стороны, сам напросился – не надо было давать обещаний, которые не хотел сдерживать.

– Простите, – продолжил тем временем лорд Саржер, – но, насколько я знаю, Рион всё ещё принадлежит лорду Бавору, а не вам.

– Это ненадолго, поверьте...

Он не успел договорить, потому что Нэйджел одним шагом преодолел разделявшее их расстояние, сгрёб в кулак одежду на груди наглеца и поднял его на несколько дюймов над полом. Он сделал это инстинктивно и теперь ждал, что стражники бросятся спасать своего нового хозяина, но стоящий за спиной Чарси рыжий здоровяк, который, кажется, был у стражников главным, только одобряюще ухмыльнулся. Было похоже, что Чарси Гарол не пользовался успехом у обитателей Риона.

– Нэйд, мальчик мой, отпусти его. Он же не имел в виду ничего плохого, просто неправильно выразился, да?

Чарси согласно закивал. Нэйджел аккуратно поставил его обратно и умоляюще посмотрел на рыжебородого охранника:

– Мне нужно выйти.

Тот бросил презрительный взгляд на Гарола, который приводил в порядок свою одежду и ворчал, что так этого не оставит. Лорд Латернона определённо был Тогарду больше по душе, чем этот наглый выскочка, поэтому начальник рионской стражи кивнул в сторону выхода и направился следом за лордом, обеспечивая гостю конвой, как и приказала госпожа.

– Не знаю, зачем старику понадобилось ваше общество, но будет лучше, если вы покинете Рион немедленно! – заявил Чарси лорду Саржеру, убедившись, что Нэйджел покинул зал.

– Боюсь, это невозможно, – скорее издевательским, чем извиняющимся тоном ответил ему собеседник. – Видите ли, леди Алимея приказала стражникам сторожить нас до её прихода.

– Я приказываю вам отпустить этих людей! – рявкнул Чарси на стражу, но воины дружно оглохли на оба уха и никак не отреагировали на его приказ.

– Но вы же пока что не имеете права здесь распоряжаться, да? Давайте спокойно дождёмся госпожу, а потом мы с Нэйджелом уедем, как вы и желаете. Мы не отнимем у неё много времени. Просто решим один вопрос личного характера и после этого, обещаю, сразу же покинем Рион.

Чарси сдался. Он действительно пока что не имел прав на Рион, но король обещал эти земли ему. Правда, с небольшой оговоркой: «при отсутствии иных прижизненных распоряжений лорда Бавора Рионского», но Чарси это мало беспокоило – он точно знал, что никаких «иных распоряжений» старик дать не успел, а теперь был просто не в состоянии это сделать. Да, иметь своего человека в Рионе было опасно, но весьма полезно.

Неожиданное появление в замке гостей из Латернона заставило Чарси нервничать, но вряд ли они были способны помешать тому, к чему он так упорно стремился. И всё же ему не давала покоя причина их приезда.

– Интересно, что же это за вопрос такой, если он носит личный характер? – не удержался Чарси.

– О, сущий пустяк! – лорд Саржер широко улыбнулся и погладил кота, который всё-таки соизволил взобраться ему на колени и теперь громко мурчал, проявляя неподдельный интерес к стоящим на столе закускам. – Мой сын Нэйджел решил жениться на леди Алимее. У нас уже есть все необходимые для этого документы, включая согласие на брак её опекуна и даже подписанный им брачный договор, скреплённый королевской печатью. Так что это не займёт много времени, нужно только подпись поставить. Я, конечно, предпочёл бы красивую свадьбу, но в сложившихся обстоятельствах...

Чарси перестал мерить шагами зал и застыл на месте.

Глава 5

- Гарол давно уже пускает слюни, мечтая стать хозяином Риона.
- Это я уже понял, – кивнул Нэйджел, поправляя седло на спине своего коня.
- Но хозяин не хочет, чтобы земли достались ему...

Тогард выдавал информацию мелкими порциями, наблюдая за реакцией молодого лорда. Поначалу он отнёсся к гостям с большим недоверием, полагающимся ему по статусу начальника замковой стражи, но лорд Нэйджел казался ему куда более подходящим кандидатом на роль будущего господина.

– Похоже, ты прекрасно осведомлён обо всём, что здесь творится, – усмехнулся Нэйджел. – Скажи-ка, а ваша госпожа всегда такая буйная?

– Она не буйная, – Тогард нахмурился, отчего его исчерченное старыми шрамами лицо приняло ещё более свирепый вид. – Она добрая и очень любит старого лорда. Если вы на ней женитесь...

– О, ты и об этом знаешь! Прекрасно!

– Почему вы злитесь? Если вы приехали сюда, значит, приняли предложение моего господина. Или это не так?

– Я не знаю, – честно признался Нэйджел. – Правда, не знаю.

– Тогда вам лучше уехать. Мой лорд не отдал бы госпожу тому, кто не знает, нужна она ему или нет.

– Я тоже так считаю, хотя мой отец склонен думать иначе. Не переживай, мы уедем, как только ваша госпожа изволит нас отпустить. Так действительно будет лучше для всех.

Тогард тяжело вздохнул. Он знал, какие надежды лорд Бавор возлагал на этот союз. Его господин верил, что покровительство Латернона защитит Рион и леди Алимею от посягательств со стороны Чарси Гарола и ему подобных.

Только Тогарду было известно, сколько предложений о браке отклонил старый лорд, сколько возможных женихов остались ни с чем. Только он знал, чего господину стоило убедить короля Хелигарга в преимуществах такого союза с Латерноном. Сколько времени было потрачено на визиты в Гоотарн, прежде чем на брачный договор легла королевская печать. Знал потому, что был предан лорду Бавору всей душой, а господин платил ему за эту преданность полным доверием.

Старый лорд хорошо подготовился и хотел порадовать леди Алимею тем, что наконец-то нашёл для неё достойного супруга, да только вот, выходит, ошибся.

– Пойдёмте, госпожа уже, наверное, ждёт вас.

– Да, – согласился Нэйджел и направился в сторону широкой лестницы, ведущей со двора в главный зал замка.

Тогард зашагал следом – мрачный, суровый, готовый собственноручно придушить любого, кто сейчас подвернётся ему под руку. И желательно, чтобы первым подвернулся мерзкий Чарси Гарол, от которого господам были одни только неприятности.

– Это подделка! Король не мог заверить такой документ! Он обещал Рион мне!

Чарси брызгал слюной и потрясал кулаками, извиваясь в руках двух дюжих стражников, которые держали его, не позволяя подобраться к лорду Саржеру. Тогард, решив, что молодой латернонский господин никуда не денется, поспешил на выручку своим подчинённым, лица которых выражали неуверенность в том, что они всё делают правильно.

– Что здесь происходит?

– Тогард, вели им отпустить меня! Немедленно! И схватите этих мошенников! Они подделали бумаги, чтобы незаконно захватить Рион!

– Это не подделка. Я своими глазами видел, как король Хелигарг ставил свою печать под подписью нашего лорда.

– Ты с ними заодно! Король не мог так поступить!

– Хватит! – звонкий голос Мэй прозвенел где-то у бокового входа в зал и эхом отразился от стен.

– А-а-а... Явилась, подлая тварь!

Чарси явно окончательно потерял над собой контроль, поэтому Тогард решил успокоить его не слишком сильным ударом по наглой физиономии и удовлетворённо крикнул, когда стражники опустили обмякшее тело на холодный камень пола.

– Спасибо, Тогард, но это было лишним, – девушка с укором посмотрела на воина, который удивлённо моргал, искренне не понимая, чем огорчил хозяйку. Не желая обижать доброго друга, Мэй пояснила: – Этот негодяй может пожаловаться, что в нашем доме на него напали. Насколько я поняла, сейчас он пользуется благосклонностью короля, поэтому могут возникнуть проблемы, – она на несколько мгновений умолкла, размышляя, а затем решительно приказала: – Вышвырните его за ворота, пусть катится отсюда на все четыре стороны. С проблемами будем разбираться по мере их поступления. Господа, простите, что заставила ждать. Не представляйтесь, мне известны ваши имена. О каких бумагах здесь шла речь?

Девушка успела переодеться и привести себя в порядок. Облегающий узкие бёдра и грудь костюм из оленьей кожи исчез, уступив место простому, но элегантному платью из мягкого голубого шёлка. Длинные выющиеся волосы были тщательно расчёсаны и заплетены в толстую косу, перевязанную лентой в тон платью. Если бы не царапины на лице и руках, ничто не напоминало бы в этой изящной девушке то взбалмошное создание, которое накануне едва не свалилось с обрыва, а совсем недавно готово было с кулаками броситься на гостей.

Глядя на перемены во внешности воспитанницы лорда Бавора, Нэйджел почему-то почувствовал разочарование. Она совершенно не нравилась ему растрёпанной и вопящей, а такой вот милой и благопристойной стала нравиться ещё меньше.

Одного её многозначительного взгляда на слуг хватило, чтобы те перестали шептаться по углам и занялись своими непосредственными обязанностями. Стражники тоже исчезли из виду, повинувшись простому короткому жесту тонкой руки. Всего через минуту после её появления в зале остались только латернонские лорды, верный Тогард, толстый чёрный кот и его хозяйка, внимательно изучающая документы, переданные ей лордом Саржером.

Гадая, какие ещё неожиданности может преподнести ему возможная будущая супруга, Нэйджел с интересом следил за тем, как по мере чтения эмоции на её лице сменяют друг друга. Сначала девушка сосредоточенно хмурилась, потом сосредоточенность сменилась удивлением, но хмурая складка так и осталась лежать между её тонких бровей. А затем её брови изумлённо поползли вверх.

– Вы же понимаете, что таким образом фактически открываете королю Хелигаргу беспрепятственный доступ на свои земли? – спросила она сразу у обоих гостей. – Вы получите право только управлять Рионом, но эта земля останется за Иллиафией. Живущие здесь люди будут не вашими подданными, а Хелигарга. Закljučая этот союз, вы впускаете в свой дом чужаков, чего так долго избегали. Зачем вам это?

– А вы проницательны, – ухмыльнулся лорд Саржер, бросив короткий самодовольный взгляд на сына. – Нэйджел тоже всё время задаёт мне этот вопрос. Видите ли, дорогая, в Латерноне и так полно шпионов из Иллиафии и других королевств. Они постоянно приходят под видом торговцев, но всегда уходят ни с чем. Я бы очень хотел, чтобы таких людей на нашей земле стало меньше, потому что со временем начинаешь видеть предателей даже в честных людях, а это ужасно раздражает. Если мы перенесём всю торговлю на этот берег реки Таор, то таким образом избавимся от необходимости принимать купцов на своей земле.

– Да, но при этом вы возьмёте под своё покровительство тех, кто будет жить по эту сторону реки. В случае пожара или нападения они будут искать защиты на том берегу, и вы не сможете отказать им в помощи. Вы уверены что среди них не окажется того, кто в благодарность вонзит вам клинок в спину?

– Я не уверен даже в том, что этого сейчас не сделаете вы или кто-нибудь из ваших людей. Вот этот здоровяк, например... – лорд кивнул в сторону Тогарда, у которого от такой вопиющей несправедливости отвисла челюсть и пропал дар речи. – Нельзя предусмотреть всего и от всего защититься. Я просто хочу сделать для своего народа чуть больше, чем могу сделать сейчас.

– Хорошо, допустим, я соглашусь хотя бы ради того, чтобы избавиться от Чарси Гарола, хотя от него, кажется, избавиться невозможно. Не знаю, о чём думал лорд Бавор, когда затеял всё это, а спросить у него не могу, поэтому спрошу у вас. Как вы себе представляете этот брак? Муж там, я здесь...

– Нет, вы поедете в Латернон.

– Нет уж, дудки! Я не оставлю лорда Бавора одного.

– Мы можем забрать его с собой.

– В таком состоянии? Не думаю, что он переживёт этот путь.

– Здесь меньше полудня пути...

– Вы что, торгуетесь? Вы же сами понимаете, что из этого ничего не выйдет. Я должна выйти замуж за человека, который останется здесь вместе со мной, чтобы после смерти моего лорда править рионскими землями. Вам же нужна невеста, которая поедет к мужу в Латернон.

– Не волнуйтесь, Рионом вполне успешно можно править и из Латернона.

– Да неужели? – в голосе Мэй зазвучал откровенный сарказм. – И, кстати, почему мой вероятный будущий супруг до сих пор не раскрыл рта? Он вообще хочет жениться или это только вам нужно, лорд Саржер?

– Не хочу, – признался Нэйджел раньше, чем отец успел что-либо возразить.

– Спасибо за честность, я так и думала. В общем, так, господа... Я подпишу этот договор на двух условиях. Первое – я остаюсь в Рионе, независимо от вашего мнения по данному поводу.

– Но...

– Меня это вполне устраивает! – снова перебил Нэйджел отца и победно ухмыльнулся, услышав, как родитель скрипнул зубами от злости.

– Замечательно! Значит, этот вопрос решён. Ну и второе... – девушка уставилась своими большими карими глазами в серые глаза Нэйджела. – Я не буду делить с тобой постель.

– Прекрасно... – лицо Нэйджела расплылось в широкой и донельзя довольной улыбке.

– Нет-нет-нет! – запротестовал лорд Саржер. – Дети, так не пойдёт! Так нельзя!

– Послушайте, лорд Саржер... – Мэй начала злиться. Ей и так было неприятно, что дед решил её будущее без её участия, так ещё и эти господа явно принимали её за безмозглую курицу. – Вы правда думаете, что в Сальсирии есть хоть один человек, который не знает, что все до единой жёны латернонских лордов умерли в родах? Или считаете, что лорд Бавор обрёк бы меня на такую судьбу ради того, чтобы насолить королю Хелигаргу, отдав вам Рион? Уверена, что у дедушки был какой-то свой план относительно того, как сохранить мою жизнь после свадьбы долгой и счастливой. Так ведь? Да, Тогард? Отвечай, раз уж ты тоже приложил к этому делу свою руку.

– Господин хотел, чтобы вы после свадьбы принимали настойку, которая не даёт женщинам забеременеть, – пробубнил Тогард в свою рыжую бороду и густо покраснел. – Он бы всё вам рассказал, когда заручился бы согласием этих господ на этот брак.

Лицо лорда Саржера покрылось пунцовыми пятнами, а Нэйджел прикрыл рот кулаком, чтобы не рассмеяться, но всё же сначала тихонько хмыкнул, а потом не выдержал и расхохотался в голос.

Мэй сложила бумаги аккуратной стопочкой и отодвинула их на тот край стола, где сидели её гости.

– Уезжайте. Вы зря проделали этот путь и потратили своё и моё время. Этот брак не имеет смысла. Хотите перенести торговлю на рионские земли? Пообещайте Хелигаргу солидный куш, он не откажется.

– Но вы же хотите защитить свой дом от Чарси Гарола? – неуверенно выдавил из себя лорд Саржер, не желая признавать поражение.

– А вы готовы лишиться свой род наследника и поставить под удар Латернон только ради того, чтобы защитить Рион от Чарси и ему подобных? Уезжайте, прошу вас.

Лорд Саржер окончательно сник. Все его чаяния пошли прахом. Зато Нэйджел определённо был счастлив. Он широко улыбнулся Мэй и накрыл её пальцы своей горячей ладонью:

– Спасибо тебе, Алимeya Рионская! Ты только что избавила меня от груза, с которым мне пришлось бы жить долгие годы, не окажись ты столь умной женщиной.

– В каком смысле? – Мэй нахмурилась и отдернула руку.

– Я тоже не собирался с тобой спать, вот только сказать об этом хотел уже после свадьбы.

В его глазах плясали весёлые искорки, но Мэй было не до веселья. Дед хотел использовать её в каких-то своих целях, и это было весьма печальным открытием. Не мог же он и в самом деле думать, что она согласится пойти на такой жестокий обман? А если он действительно так думал, то очень плохо знал свою «любимую девочку». Ещё и этот холёный лорд туда же...

– Да уж, забавная бы из нас получилась семейка, – Мэй натянуто улыбнулась Нэйджелу и встала из-за стола. – Простите, господа, что лорд Бавор втянул вас в эту бесчестную авантюру. Я действительно не понимаю, зачем ему это понадобилось. Надеюсь, вы не станете держать зла на старика. Мне нужно идти. Ну а вы можете оставаться гостями Риона сколько пожелаете.

– Нет уж, мы поедem, – хмуро отозвался лорд Саржер и тоже встал, демонстрируя намерение покинуть этот дом как можно скорее.

– Хорошо, как скажете. Тогард, проводи гостей. Я поднимусь к деду. И, Нэйджел... – она задержала долгий взгляд на лице несостоявшегося супруга. – Спасибо за честность. Её в последнее время вокруг как-то всё меньше и меньше.

* * *

– Потрясающая женщина! – двумя часами позже, подъезжая к каменному мосту торгового тракта, служившему единственной законной переправой между берегами реки Таор, Нэйджел всё ещё продолжал восхищаться тем, как ловко и непринуждённо Мэй поставила на место его отца. – Если бы не наше драгоценное фамильное проклятие, о другой жене я бы и не мечтал!

– Чему ты радуешься, болван? – сердито покосился на него лорд Саржер. – Нас обвели вокруг пальца, а ты потешаешься.

– Я говорил тебе, что этот брак – плохая затея. Лорд Рионский слишком сильно любит свою воспитанницу, чтобы отдавать её нам на растерзание ради защиты своих земель. Сомнительной защиты, к слову сказать. Во всём этом сразу чувствовался какой-то подвох, и об этом я тебе тоже говорил. Твоё желание заполучить наследника для Латернона делает тебя слепым, глухим и лишает остатков разума.

– Но нам нужен наследник!

– Я знаю. И чем больше я об этом слышу, тем меньше мне хочется выполнять долг рода Хараган. Успокойся, отец, пожалуйста. Остановись, дай мне, в конце концов, смириться с неизбежным. Обещаю, что наследник у Латернона будет, просто дай мне немного времени.

– У тебя было целых шесть лет.

– Именно! Целых шесть лет бесконечного брюзжания и напоминаний о том, что я племенной жеребец, от которого только и требуется, что сделать сына. Ни одного дня не прошло, чтобы я не слышал о своём долге.

– Ну так выполни его! Ты будешь жить спокойно, я встречу старость с лёгкой душой, вся Сальсирия вздохнёт с облегчением! Думаешь мне было легко принимать наше семейное бремя? Думаешь, мне всё это нравится? Просто чем раньше ты это сделаешь, тем легче тебе будет это пережить.

– Ладно, отец, не начинай всё сначала, пока мы опять не поссорились. Давай сделаем передышку, хорошо? Ты отстанешь от меня, скажем... до первого снега, а потом я женюсь на Талин. Она покладистая, тихая девушка, и даже не поймёт, что происходит.

– Ты хочешь опозорить наш род, взяв в жёны сумасшедшую прачку?

– Да всем плевать на то, кого я возьму в жёны! Это ты вбил себе в голову, что невеста должна быть непременно благородной крови.

– Это традиция! Честь рода! Какое потом отношение будет к лорду, рождённому больной на голову крестьянкой? Да это позор! Нет-нет, так не пойдёт. Ты женишься с началом зимы, но не на прачке, а на той девушке, которую я к тому времени подыщу.

– И ты не будешь донимать меня ежедневным брюзжанием.

– И я не буду донимать тебя... Я не брюзжу, а пытаюсь тебя вразумить.

– Называй это как хочешь. С сегодняшнего дня и до первого снега я слышать больше ничего не желаю о долге, браке, чести, наследниках, драконах и всём остальном. А потом я женюсь на ком хочешь, и покончим с этим.

– Договорились, – согласился лорд Саржер и довольно улыбнулся, но уже через мгновение между его кустистых бровей залегла глубокая складка. – Зачем тебе столько времени? Сейчас же только середина лета!

– Я хочу забрать Лисандру в Латернон и посвятить это время ей.

– Но ты ничего мне об этом не говорил!

– А зачем? Чтобы опять услышать, что она дочь, а нужен сын? Я потому и отправил её к родственникам Мираны, чтобы она не чувствовала себя ненужной, постоянно слыша о том, как это печально, что она родилась девочкой. Но раз уж ты согласился предоставить мне немного свободы, думаю, пришло время вернуть мою малышку домой. Она и так уже живёт в Хейнорме почти два года и забыла, как выглядит родной отец.

– Если бы ты женился, когда...

– Опять? Мы же договорились!

– Ладно, молчу, – надулся лорд Саржер и сощурился, всматриваясь в даль. – О, а вот и мост! Гляди-ка, и нет никого... Интересно, чем таким важным заняты стражи, что наплевали на свои прямые обязанности?

Нэйджел тоже заметил отсутствие стражей на заставе и, почувствовав неладное, придержал своего коня.

– Отец, постой...

В тот же миг прямо у него перед носом с тихим свистом мелькнула длинная стрела и вонзилась в шею лорда Саржера.

– Отец!!!

Он скользнул на землю, чтобы подхватить начавшее заваливаться набок тело старого лорда, но тут же почувствовал один резкий удар в спину, второй... В глазах потемнело от боли. Медленно оседая на землю, Нэйджел ещё видел, как наконечник очередной стрелы вошёл в круп лошади отца, отчего животное испуганно взвилось на дыбы и сбросило со спины бездыханного седока. За спиной послышался шорох чьих-то шагов, а вслед за этим тело пронзила новая волна боли, которая принесла с собой тьму.

Глава 6

Мэй металась по комнате, нервно заламывая пальцы. После отъезда гостей она поднялась в покои лорда Бавора, чтобы почитать ему книгу, но через пару часов деду снова стало хуже. Сначала он просто лежал, изредка постанывая, а потом вдруг тело его выгнулось, забилося в конвульсиях, и он начал кричать так душераздирающе, что волосы на голове девушки поднялись дыбом.

Комнату немедленно наводнили слуги и лекари, из-за спин которых, то и дело вытирая полотняным платком вспотевшую лысину, выглядывал управляющий Ильвен.

Королевский лекарь и колдун, которых король Хелигарг отправил в Рион, должны были прибыть не раньше утра следующего дня, а Харс и Дира только сочувственно качали головами и разводили руками, советуя Мэй крепиться и готовиться к худшему.

Прошло немало времени, прежде чем лорд Бавор успокоился. Под действием снадобий он заснул, но во сне продолжал метаться по постели и издавать жуткие стоны, от которых у девушки болезненно сжималось сердце. Услышав очередной такой стон, Мэй остановилась и крепко зажмурилась, моля богов прекратить страдания деда.

«Нет, он пока не умрёт, но умрут другие, и каждая новая смерть будет причинять ему невыносимую боль...» – всплыли в памяти слова, сказанные несуществующей женщиной в несуществующем мире.

Всё ещё отказываясь верить этому, Мэй подошла к камину и внимательно вгляделась в висящее над ним полотно. Гобелен выглядел так же, как и раньше – старая, пыльная, утратившая свои краски ткань.

«Если это правда... Если страдания дедушки связаны с этими нитями, то чья смерть причинила ему сегодня столько боли?»

Она нерешительно протянула руку и коснулась обветшавшего полотна. Ей показалось, что тонкие нити под пальцами шевельнулись и начали светиться в ступающих сумерках бледным зеленоватым светом.

– Госпожа! – донёсся от двери взволнованный голос Тогарда. – Беда!

Она убрала руку – полотно было таким же, как и прежде, только в пальцах осталось неприятное ощущение лёгкого покалывания. Убедившись, что старый лорд крепко спит, Мэй велела прибежавшей вслед за начальником стражи служанке ни на миг не отходить постели господина и вышла в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Что случилось, Тогард?

– Пришёл Брис Фид. Он весь в крови и говорит, что на латернонских лордов напали возле переправы. Лорд Саржер мёртв, а его сын тяжело ранен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.